

16.047/1894

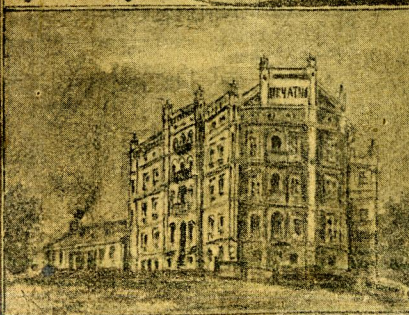
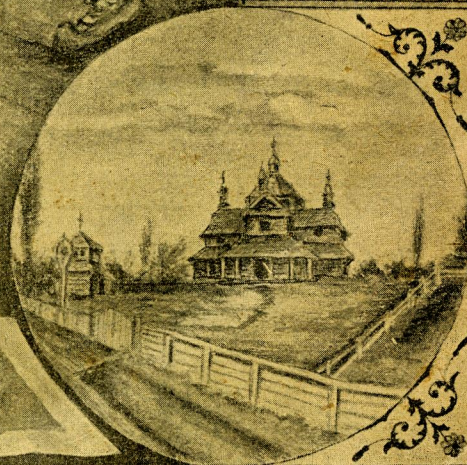
35709

КНИЖКА ОБРАЗКОВА

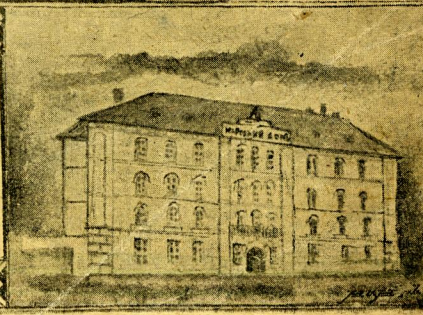
Выпускъ I.

СВѢТЪ И ЖИЗНЬ

Выпускъ I.

КОЛОМЬЯ. 1894.
Черенками и накладомъ
Михаила Бѣлоуса.

СВѢТЪ И ЛЮДѢ

КНИЖКА ОБРАЗКОВА
(иллюстрирована).

✿ У Р Р А ! ✿

Такою пѣснею Русь якъ загремѣла,
Ишли батъки наши въ танецъ съ ворогами,
А кровь въ ихъ сердцахъ вульканами врѣла,
А очи сверкали молнію — громами,
А десница крѣпка цѣлко спѣсу жжала —
А люди казали: Русь ще не пропала!...
Урра!

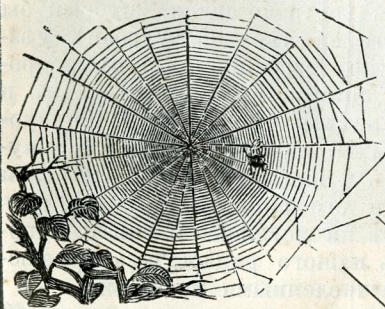

И доки такъ муромъ въ передъ собовъ перли
Разомъ рядови съ славновъ старшиною,
Вражьи полки безпощадно терли,
Кроваво за кривды мстилися въ бою, —
Доти Русь сіяла во славъ, во чести,
Мечемъ врагамъ грозна и окликомъ мести :
Урра!

Днесъ вже зъ русской груди не выкрешешъ нуты,
Якую бувало пращуры спѣвали,
Бо днесъ родне слово тяжко где учути —
Внуки зледацѣли, а дѣды сконали...
И сердце краеса, що за Русь нещасну
Нѣтъ кому загуги русску пѣснь ужасну :
Урра!

Орестъ Авдыковскій.

КОЗАЦКАЯ ДИТИНА.

Повѣстка зъ часѣвъ смуть козацкихъ

3. Качковского, переложивъ зъ польского М. В.

Мѣй тато служивъ у старости чигринского козакомъ, а служивъ онъ отъ маленького хлопяти, а коли вже ему надѣла та служба, коли волосъ почавъ сивѣти, то выпросивъ собѣ у пана хуторъ (фѣльварокъ) до смерти, взявъ зъ двора еще молодую покоѣвку-пнянку за жену и осѣвъ на господарствѣ далеко-далеко на безлюднѣмъ степу. Почали тамъ господаровати, и добре имъ велось.

Въ кѣлька лѣтъ пѣзнѣйше, ятъ я уродився, батькови змерлося, а мама три дни и три ночи ничъ не ѣла ничъ не пила, ходила зъ кута въ кутъ, руки ломила, на долю нарѣкала, та выскла такъ якъ дошка. Жаль ей було за покойнымъ, бо бувъ для неи дуже добрый и лагѣдный чоловікъ, а страхъ передъ паномъ старостою, що хуторъ ѣтбере и еи нагонитъ, а она гдѣ со мною подѣся?...

Однакожъ слезы матернѣ змягчили твердое сердце грозного пана старосты, и лишивъ онъ насъ еще на якійсь часъ въ покою на томъ хуторѣ. Мати успокоилася, и взялася до працѣ. И почалося намъ дуже добре вести, а благословеніе Божье было надъ нами.

На поли родилося намъ дуже хороше збѣже, на безмежнѣмъ степу выпасалися нашѣ стада, пасѣвка що року двоилася, словомъ ишло намъ такъ якъ зъ воды.

По трохъ лѣтахъ вдовичон господарки, поѣшла мама до пана старосты и высылала ему пѣдъ ноги купу ѣбленыхъ карбованцѣвъ, а коли панъ староста подивився до сѣней, то узрѣвъ тамъ бочку старого угорского вина, а якъ заглянувъ черезъ ѣкно на подвѣрье, то узрѣвъ два буланѣ стрижаки прищипленѣ до столпа за уздечку, що ржали за своимъ табуномъ. Розсмѣявся панъ староста, погласкавъ маму пѣдъ бороду та по румянѣмъ лицу, дивився довго ей въ очи, а потѣмъ сказавъ: добре, добре, мосѣщепане, можете еще три лѣта тамъ сидѣти.

И было намъ на томъ хуторѣ дуже добре; маестѣкъ пливъ якъ вода въ Днѣпрѣ, все умножалось и росло.

Але впало то въ очи козацкимъ молодцямъ близкимъ и дальшимъ, и почалися сватанки.

Що вечера новѣи гостѣ заѣзжали на наше обѣстьє; однѣ на коняхъ поклонѣ ѣдавали, другѣ пугали до ѣконця и низко кланялися.

а третѣ, смѣлѣйшии, входили до хаты, кланялися, складали дорогѣ дарунки: шовки, золотѣ ланцухи, перстенѣ съ діамантами, серебрянѣи збаны, юбки золотыми гальонами обшиванѣи и Богъ знае якѣи еще тамъ рѣчи. Мати всѣхъ радо прѣймала, запрянала до свѣтлицѣ, ставляла предъ ними повнѣ мисы стравы и клала збаны съ напитками, а подарковъ не хотѣла прѣимати, а коли они отѣѣхали, клякала мама передъ образомъ Пречистой и плакала и молилася, дабы ей вернулася давня доля и спокѣи.

Но коли молодцѣ отѣѣхали, то приходили зъ далекихъ хуторѣвъ бабы-ворожки и циганки и ворожили мамѣ, що дѣстане такого мужа, що буде мавъ сѣмъ стадъ коней, и сѣмъ хуторѣвъ, бочки золота, скринѣ повнѣ шовку, села и мѣста посяде и повелѣвати буде сто куренямъ козацкимъ, зѣстане гетманомъ, великимъ и славнымъ повелителемъ. Другѣи снова завидовали щастю маминѣму, намавляли щоби подарки брала, повѣдали що на десять миль въ около нема ани одной такой дѣвицѣ, щоби не завидовала такого щастя. Инѣи снова грозили тѣмъ, що якъ яка невѣста впаде козацкимъ молодцямъ въ око, то если за котрого зъ нихъ не ѣдасться, то згине страшную смертѣю.

Однакожъ на мою маму анѣ просѣбы, анѣ грозбы не дѣйствовали. Она бывало якъ бабы ѣтвидуть, бере мене на колѣна, гладитъ, цѣлуе и каже: а ось то мѣй чоловікъ, то мѣй женыхъ, то моя вся потѣха, то моя надѣя; я ѣтдаватися не думаю, а подарковъ прѣимати не буду, бо на нихъ еще не засхла ляцкая кровь.

Я не розумѣвъ того, що мама говорила и не зналъ що мама думала, бо я бы бувъ хотѣвъ мати ѣтчимомъ козака зъ роду, кровь зъ крови, и кѣсть зъ кости козацкой, который бы мене училъ сидѣти на твердой кульбацѣ, уѣзжати дикѣи конѣ по безграничнѣмъ степу, робити шаблею и кинжаломъ, видѣти сотнѣи полки чубатыхъ, летѣти на чайцѣ долѣвъ водою по Днѣпровыхъ порогахъ, чути гулъ пушокъ гетманскихъ и видѣти горѣючѣи мѣста и замки, та слухати его ѣповѣданѣи о вѣйнахъ и сидѣти съ нимъ на могилахъ и снити о порохахъ и костяхъ нашего рицарства, скривающихъ ся пѣдъ базчисленными могилами.

Однакожъ межи тѣми молодцами, котрѣи сватали мою маму, бувъ одинъ цѣлкомъ инно-

го успособлєня якъ другїи, що лишъ съ крикомъ и свистомъ приѣзжали и хвалилися своими рабунками и нападами. Онъ бувъ тихій, смиренный, николи не приѣзжавъ съ крикомъ и гукомъ, не пивъ меду збанкомъ и не зѣдавъ лакомо повниі мисы стравы, и не чванився кѣлько бнѣ дворцѣ спаливъ, кѣлько замковъ розбивъ, кѣлько кровы проливъ, кѣлько дѣтей спѣсою заколовъ. Той, коли приѣхавъ до нашего хутору, коня привязовавъ коло ворѣтъ, входивъ до хати по тихоньку, сѣдавъ здалека бѣть мамы и не выхваляючися о своихъ подвигахъ, оповѣдавъ дуже краснѣ думки о давнѣй славі и силѣ козацкой, о гетманахъ и ихъ полкахъ, о многочисленныхъ войскахъ козацкихъ, о ихъ безпримѣрной завзятости, отважѣ и храбрости, о огнистой арматурѣ козацкой, о сто чайкахъ козацкихъ на Днѣпрѣ, о червонныхъ лунахъ збиваючихъ ся пѣдъ небеса надъ Требизонтомъ и Синопою, и о тѣй шаблѣ гетманскѣй (Конашевича Сагайдачного), которая уже тогда толкла о мурѣ Цареграда, когда еще весь свѣтъ тремтѣвъ и дань плативъ невѣрнымъ бисурманамъ. Я слухавъ то все зъ великою увагою, и сердце менѣ билося якъ у звона, а бнѣ бравъ мене на колѣна и гладивъ мене по чупринѣ, и дивився менѣ въ очи такъ мило, такъ сердечно, що мене цѣлкомъ до себе притягнувъ.

намъ о трехъ зоряхъ и о трехъ дѣвицахъ, о заклятѣмъ озерѣ, о спѣваючихъ днѣпровыхъ русалкахъ, о зачарованой королевнѣ, о вѣдмахъ, о упирахъ, о пустельникахъ, о монастыряхъ и о кѣвскихъ печерахъ. Мати моя слухала съ цѣкавостію тѣи оповѣсты и дивилася ему въ очи, а часомъ и присувалася до него блисше и просила, щобы еще що цѣкавого оповѣдавъ.

А коли его черезъ кѣлька дней не було у насъ, то мама тяжко въздыхала, лишала всяку роботу, выходила за хуторъ и долго, долго очами водила по степу.

Часомъ же выходила мама далеко въ степь, где находився великій курганъ, а на немъ стоявъ деревяный крестъ, а пѣдъ тымъ крестомъ спочивали кости мого батька. На тѣмъ курганѣ клякала моя мама, руки складала и долго молилася и плакала.

Неразъ брала и мене съ собою на той курганъ, тай и я клякавъ и говоривъ отче нашъ, а тогда прилѣтавъ до насъ старый соколъ, круживъ надъ нами, сѣдавъ на вершокъ креста, дивився намъ въ очи, здавалося, що хоче бнѣ до насъ щось промовити. Той соколъ, то, здаєся, бувъ духъ мого покойного батька, который уносячися надомною, перестерѣгавъ мене, дабымъ пѣдъ опѣкою моей матеры-шляхтянки, не забувъ своего козацкого роду, дабымъ не вырѣкся своей русской вѣры, своего русского обряда, своей отчины, дабымъ кровь батька не змарновавъ и не поїшовъ въ первертнѣ.

А коли мы бывало вернемся съ такои молитвы, то мама була веселою, не выходила уже за хуторъ, не водила вже очима по степу, а говорила на голосъ: Господоньку! сохрани мене бѣтъ козацкой покусy.

Но помимо того, молодецъ съ турбаномъ все приходивъ, гравъ и спѣвавъ, а мати снова его гостила, часто присувалася до него блисше, а снова бывало такъ, якъ перше.

Въ тѣмъ то часѣ, одной недѣли, приѣхало

Инного разу бравъ снова въ руки турбанъ и гравъ на немъ и спѣвавъ такіи чуднѣ думки о якомъ Богданку, або оповѣдавъ

до насъ на хуторъ двоухъ польскихъ шляхтичей въ гостѣ Убранїи були въ черныхъ контушахъ, подперезанїи поясами, а до нихъ приче-

плинї були шаблї; головы мали голенї, а уса стриженї. Одинъ зъ нихъ бувъ економъ, а другїй писарь съ сосѣдного мѣсточка. Приѣхавши, поклонилися они мамѣ, але не такъ низко, якъ тотї козацкї молодцї, дарунковъ не привезли нїякихъ, але ходили по стайняхъ, по оборохъ, по загуменку, оглядали пасѣку, конї, овцї, хвалили господарство мамине, а вернувши до хати, засѣли за стѣлъ. Мама прийняла ихъ дуже сердечно и мило, заставила передъ ними стѣлъ колачами, медовниками, дробненькими пирогами, медомъ и всякимъ добромъ. Они и ѣли и пили и гласкали голїи головы и розпускали поясы на черевѣ, а повставши, кланялися мамѣ, и снова сѣдали и ѣли и пили, а коли ѣдзжали, то цѣловали маму въ руку и называли ю еймосцю.

По тѣмъ приходили якисъ жидѣвки зъ мѣсточка и щось довго довго, съ мамою говорили, але я того цѣлкомъ не розумѣвъ.

Въ кѣльї недѣль пѣзнѣйшо, говорено у насъ въ пекарнѣ, що мама виходить замужъ за того писаря зъ мѣсточка. Менѣ стало дуже якось сумно, але я не мѣгъ знати, що менѣ есть, болѣти мене ничъ не болѣло, тѣлько якось сердце менѣ стискалося и ѣдыхъ менѣ запирало; я боявся тыхъ панѣвъ, що засватали мою маму: они представлялися менѣ дуже гордыми, острыми и не добрыми.

Отъ часу тыхъ свата нокъ, бувъ у насъ въ дома и на оборѣ дуже великїй рухъ. Але той козацкїй молодець якъ перше, такъ и теперъ що другїй или третїй день приходивъ до насъ съ турбаномъ, сѣвавъ и гравъ дуже сумнї думки, и не знавъ бѣдняка, що мама за пана писаря засватана. Ажъ въ тыждень передъ весѣльемъ зайшло щось межи мамою и нимъ, але я не знаю що, тѣлько тое памятаю добре, що той бѣднїй козацкїй молодець, просивъ дуже маму, заклинавъ, плакавъ, заводивъ якъ за помершою, падавъ мамѣ до ногъ, а такъ, руки складавъ и моливъ, що слезы котилися зъ очей, але мама на все ѣповѣдала, що нѣ и нѣ, що все вже пропало, щобы ѣнъ не доѣдавъ мамѣ, бо каже его слугамъ выкинути зъ хаты.

Тогда той козацкїй молодець, зѣрвався

якъ опаренїй, подивився страшнымъ взоромъ на маму, оглянувся по хатѣ, по образахъ, заскреготавъ такъ страшно зубами, що ажъ менѣ морозъ пѣйшовъ по-за шкѣру, ухопивъ за турбанъ, и ударивъ нимъ съ цѣлої силы о лавицю, що ажъ на дробнесеньки кавалочки розлетѣвъ ся, и не мовячи уже бѣльше ані слова, выскочивъ зъ хаты, затрѣснувъ за собою такъ сильно двери, що ажъ ѣкна зазвенѣли, и бѣльше вже не показався до насъ.

Отъ того часу було намъ дуже страшно, и мама посумнѣла, а ямовчки ходивъ зъ кута въ кутъ, незнавъ где маю сховатися, где подѣтися, а въ ночи не мѣгъ я спати, все наслуховавъ, чогось я ся боявъ, и було менѣ и сумно и лячно. Але весѣлье мамине зближалось, и годѣ.

Надѣйшла недѣля, въ котрѣй мало ѣтбутися весѣлье. Отъ самого ранного ранку почали зѣѣзжати гостѣ и паны и панѣ и паночки изъ мѣсточка и изъ близкихъ и далекихъ дворищъ и ставъ великїй гаморъ и шумъ на цѣломъ хуторѣ и въ хатѣ и на обѣистѣ. Небавомъ приѣхавъ самъ панъ староста въ великѣй каритѣ, запряженой въ шесть конѣ, въ дуже богатї убраня надѣти, съ великими перами. Панове шляхта при карабеляхъ и въ чорныхъ конту-

ажъ менѣ самому мама на все ѣповѣдала, що нѣ и нѣ, що все вже пропало, щобы ѣнъ не доѣдавъ мамѣ, бо каже его слугамъ выкинути зъ хаты.

нахъ витали одни другихъ, ѣли и пили, а коли все було вже готове, всадили маму до той старосцинской кариты и всѣ поѣхали до мѣсточка до костела.

Я бувъ того дня сумнїй и не ѣхавъ съ мамою, ино лишився дома. Болѣлъ мене той

гаморь и крикъ, а еще гѣрше тое, що одинъ и другій зъ тыхъ панѣвъ гладили мене подъ бороду и называли мене хлопяткомъ.

И коли всѣ отѣхали до костела, я пѣйшовъ самъ на могилу мого отця, уклѣкъ и молився горячо. И коли я такъ молився, прилетѣвъ той старый соколъ и сѣвъ собѣ на крестъ, дивився на мене довго и плакавъ. По томъ отлетѣвъ гдесъ, и небавомъ снова прилетѣвъ а съ нимъ прилетѣло много старыхъ и молодыхъ соколовъ и одни сѣдали на крестъ, а другіи лѣтали то въ гору, то на боки, а все кружили надомною.

Въ полудне вернули весѣльники на нашъ хуторъ, и приѣхало еще болѣе гостей и пили здоровье моей мамы великимъ пугаромъ. Ъли и пили и галасовали безъ мѣры. Вечеромъ заграла музика и розпочався танецъ, пѣйшли всѣ парами; шляхта подкручивала уса, закидала на плечи выльоты, по томъ снова пили вина, вносили здоровье маминое и ѣтчима, панночки и шляхтянки танцували якогось крученого танцю, а по томъ снова якогось бѣтаного, при котрѣмъ дуже ногами вытуповали и кричали и галасовали.

Иный однакожъ голосъ шумѣвъ далеко въ степу.

Лишь смерклося, а зорѣ заблескотѣли на небѣ, а бѣлолицый мѣсяцъ высунувся изъ-за очеретѣвъ, якъ ѣтъ разу изъ всѣхъ сторонъ задуднѣло на нашѣмъ обѣйстю. Козацкіи молодцѣ окружили цѣлый нашъ хуторъ въ око-

ло, и всѣми дверми и окнами ввалилася ватага не прошеныхъ гостей; повставъ страшный крикъ, зойкъ и плачъ; панѣ и паночки помѣли, шляхта добула шаблѣ и кинулася ратовати; заблисли козацкіи широкіи кинжалы и довгіи простіи шаблѣ и розпочався страшный кєрвавый танецъ.

Я почувъ страшный гукъ и на подвѣрю и въ хатѣ и зойкъ и плачъ. Нишкомъ выбѣгъ я задними дверми въ огородъ, и зъ ѣтти бачивъ я якъ наша стодола и хата и пасѣка палали.

Не пѣмну вже, що дальше дѣялося тои страшнои ночи, але то собѣ тѣлько пригадую добре, що коли на другій день солнце уже пѣднялося изъ-за степовыхъ могилъ, то я сидѣвъ на осмаленой платѣвъ, лежащей на згарнищѣ нашего дома. Въ округѣ мене курилося. Анѣ пса нашего кудлатого, анѣ kota не було видко и анѣ слѣду не було зъ нашихъ скринь, наловнєныхъ всякимъ добромъ; не було ни стайнѣ, ни пасѣки, сторчали тѣлько недогарки, а коло мене лежали купы попелу, а межи ними порозкидані чоловѣчески кости и осмалєный трупъ моей мамы.

На той осмалєной платѣвъ, сидѣвъ я долго, и ничѣ не думавъ. А коли голодъ почавъ менѣ докучати, тогда зачавъ я думати, що маю съ собою зробити.

И стали предомною духи, батька по правой, а мамы по лѣвой, тягаючи мене то въ ту, то въ другую сторону. Духи зъ лѣвой стороны говорили менѣ: иди до твоего ѣтчима, поклонися ему низенько, прійми его вѣру, уберися въ контушь и жупанъ и служи панамъ вѣрно, а буде тобѣ добре, дослужишь ся гонору, матѣковъ, а если щастье спріяти буде, то збѣсташъ хорунжемъ, и будешъ пановати и старшовати надъ хлопствомъ; помстишься за свою маму и ѣтплатишь ворохобникамъ и ме-чемъ и ѣчимъ.

А духи съ правой стороны говорили менѣ зновъ иначе: не иди до ѣтчима, бо збѣсташъ вѣчнымъ понишачемъ, і будуть на тебе пальцами показувати, глумитися надъ тобою, а якъ прійдешъ до розуму, и упомянешъ ся за

свою честь, за свою вѣру, за народъ, за свободу, то скѣнчишь на палю, або почвертуютъ тебе такъ, якъ почвертовали козацку старшину и гетманѡвъ; а кто тогда буде ся молити на ихъ могилахъ? — кто боронити буде свободы, кто сохранивъ память о славныхъ тыхъ походахъ на Синопъ, Трапезунтъ и Царгородъ? — Кто розкаже своимъ наслѣдникамъ о всѣхъ дѣлахъ козацкихъ, кто покаже могилу Богдана и его славныхъ полковникѡвъ: Богуна, Зиму, Тетеры, Острианицъ и другихъ многихъ? Кто, кто то все зрѡбитъ ???... Иди за днѣпровъ пороги, станъ на службу въ першѡмъ

лучшѡмъ куреню, и зѡстанъ такимъ якимъ-еся уродивъ, и шануй свѡй рѡдъ, тримайся крѣпко своей вѣры и своего народа. Упамятайся дитино козацка! — А коли тобѣ тамъ за Днѣпромъ щастье послужить, то скорше дослужишь ся чести и славы.

И ударила мене вонь очеретѡвъ и травы степовой, и розширилася грудь моя, и слеза закрутилася въ оцѣ моемъ, на видъ безчисленныхъ могилъ и курганѡвъ. И почувъ я ржанье коней въ степу, и кровь ударила въ жилахъ моихъ. Тогда прилетѣвъ до мене старый соколъ и покрутився надомною и полетѣвъ на передѣ.

Вставъ я зѣ осмаленои платвы, перекрестився, попрощався съ трупомъ моей мамы и пѡйшовъ за соколомъ на могилу мого батька, уклякъ, и молився щиро. Прилетѣло тутъ снова богато соколѡвъ и кружило надомною. Я вставъ и пѡйшовъ въ степъ. Довгомъ ишовъ, куда? самъ не знаю, соколы були все предомною на передѣ и такъ зайшовъ я на сѣчѣ.

Въ сѣчи, тамъ то житье! Не таке якъ тутъ на Мазурахъ або пѡдъ Карпатами. Въ сѣчи бувъ обозъ козацкій съ чотыриста куренѣвъ. Були тамъ богатїи церкви,

въ которыхъ завзяте козацтво угинало головы передъ Всемогущимъ Сотворителемъ неба и землѣ; були тутъ не обчисленны богатства, золота, серебра, перли, шовки, коралѣ, найкрасшій шаблѣ турецкій, кинжали сербскій и самопалы черкесскій, конѣ козацкій, турецкій и арабскій, стада ихъ окомъ не доглянешъ и умомъ не посчислишь, то все було на сѣчи. Голоду и жажды тамъ не знавъ никто; днями и ночами варилися на майданѣ стравы въ величезныхъ котлахъ, а въ бочкахъ стояли вина, медъ и горѣлка; кто кѣлько хотѣвъ ѣвъ и пивъ, и не було тамъ сваволѣ, ани неповздержаной розпусты; строго послушеньство и пошанованье старшины.

То все було на сѣчи.

Коли я тамъ прійшовъ, дивовалася менѣ старшина, що я такий малый, и самъ до нихъ трафивъ. Похвалили мене, дали ѣсти и пити и розпитали зъ ѣтки и якого роду. Зняли зъ мене шляхотску одежину, выкинули въ окопъ и убрали мене по козацки, писаръ записавъ мене въ реестръ и ѣдали мене до одного старого козака въ службу. А було у него вже шесть такихъ якъ я служебникѣвъ. Не тяжка то була для мене служба. Поки я бувъ малый, то розпалювавъ я ему вечеромъ огонь на припѣчку, люльку накладавъ, а въ днину на кони лѣтавъ по степу якъ той вѣтеръ, вправлявъ руки до шабли и кинжала, списомъ выывавъ и зъ самопала стрѣлявъ до цѣли. Вечерами спѣ-

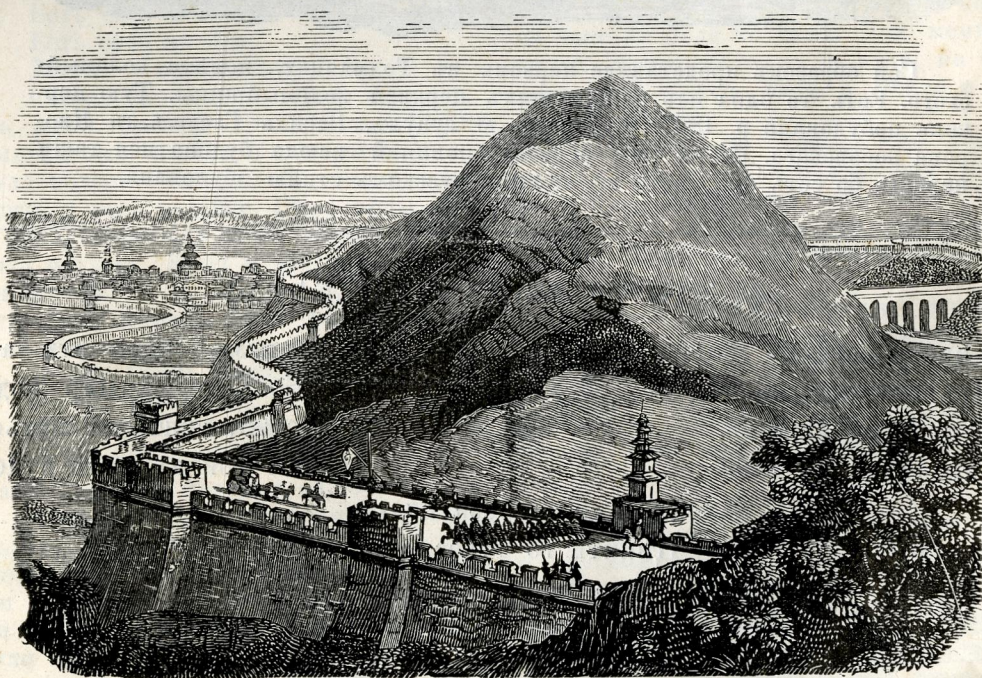
вавъ я за другими компанями пѣсни о походахъ, о славныхъ гетманахъ, о бранкахъ и о тѣмъ молодѣмъ козачку, що бувъ въ походѣ на Переградъ и зажадавъ ѣтъ султана образъ Спасителя мѣра, що невѣра его держала. Долго такъ було со мною на той сѣчи. А що потѣмъ ся стало, роскажу иншимъ разомъ.

* * *

Така була сѣчь пѣсля повѣсти З. Качковского.

А що зъ нею сталося и где подѣлася, то читали мы недавно въ одной газетѣ, що тамъ где була тая славна сѣчь, нынѣ слѣду нема. По знесенію братства сѣчового, козакѣвъ запорожскихъ, за панованя царицѣ Катерины, — нѣмецки колонисти закупили все землѣ запорожскихъ козакѣвъ, побудовали села и хуторы (фольварки), поорали и сѣють жита, пшеницѣ, гречкѣ, садять бараболю и прочая, збирають и спокѣино собѣ проживають, не знаючи о тѣмъ, якою славою була колись переполнена тая святая русская землиця.

А що сталося съ запорожцами? одні переселилися въ глубъ Россіи, а други поѣшли въ Туреччину, осѣли въ Добружѣ и тамъ основали кѣлька громадъ. До року 1854 выступали еще яко збройный народъ за турецку державу, а потѣмъ сталися уже простыми хлѣборобами и такими до нынѣ суть.

Сей образокъ представляе намъ хинскій муръ, которымъ обведена есть первоначальна держава китаецѣвъ или хинчикѣвъ; той муръ есть на 600 миль долгій.

Сей образокъ представляе церковь въ Толмачику, повѣта коломыйскаго. Есть то одна изъ найкраснѣйшхъ церквей коломыйщины. Тую церковь побудовано р. 1847.; будовавъ ю гуцуль, Василь Гасюкъ зъ Яворова косовскаго. Пѣсля того образка повинни всюда будоватися такіи церкви, бо есть она чисто въ нашѣмъ русскѣмъ стилѣ збудована.

❖ КТО ТРАФИТЬ ДО НЕБА? ❖

Всѣ, що чисту совѣсть мають,
Жіють якъ потреба,
Законъ Божій исполняютъ,
Тѣ трафлятъ до неба.

Бо малымъ чимъ отъ ангелѣвъ,
Богъ отрожнѣлъ люди,
А кто жіе святымъ житѣмъ
То той въ небѣ буде.

Законъ Божій треба знати,
Цѣнити го треба,
Почитаймо Божу волю,
А трафимъ до неба.

Д. Т.

ДВА БРАТЯ.

(Байка).

Було то собѣ два брата. Старшій называлъ ся Гриць, а молодшій Дмитро. Оба господарували на своей батькѣвщинѣ. Ще ихъ покойный батько

Стефанъ подѣливъ, по однаковой пайцѣ далъ имъ зъ поля, съ сѣножатей и огорода. Село, въ которомъ они мешкали, лежало межи невеликими горбочками въ долинь. Оно выглядало якъ одинъ гай, бо всюда сады буйно росли, приносили властителямъ овочъ, въ лѣтъ пожаданну тѣнь, и птычки спѣвали, щебетали, зазулѣ кукали и щасливѣи мешканьцѣ того села, мешкали якъ въ раю, бо

Где есть лѣсъ, где гай, тамъ щастье тамъ рай;

Тамъ пчѣлки ссуть медокъ,

Бо красный есть садокъ.

За селомъ тягнулъ ся по горбкахъ прекрасный чорный, буйный лѣщиною подшитый лѣсъ.

Якъ-жежъ то весело

Въ лѣсахъ, борахъ жити,

Свое поле мати,

И на хлѣбъ робити.

Есть свое полѣно,

Есть своя оплета,

Жити — працювати

Сберае охота.

Отъ жили, господарували Гриць и Дмитро. Грицевѣ все велось и все ишло якъ зъ води. Було подостаткомъ хлѣба, паши, дровъ, було досить у него худѣбки. Були волю, конѣ, коровы, овцѣ, безроги, а даже велися ему куры, качки и гусы. Були и дѣточки здоровѣ, краснѣ и веселѣ.

Росла своя потѣха, своя радѣсть и своя помощь въ господарствѣ.

И вже Гриць щастливѣй

Всего досить мае,

Зъ ѣтки все бересе,

Самъ онъ и не знае.

Працуюе, робить, трудить ся, ночи не доспитъ и Дмитро, но все якось ему не ведетъ ся. Мавъ волики, вотъ ни зъ сего ни зъ того, погинули. Овцѣ замотиличились, поздыхали, навѣтъ и свинѣ дѣстали якисъ завалки, не могли ѣсти и Дмитро подоколювавъ, щобы и тѣи не пѣшли марно зъ свѣта.

Дѣточки Дмитровѣи не ведутъ ся. Хлопчина марный, мѣзерный, а дѣвчина такой умерла. Годъ дочекатися послуги, потѣхи та по-

мочи зъ своихъ дѣтей. Все ему рветъ ся, неведеть ся, ба и въ поли щось не такъ ся родить збѣжье якъ у Гриця.

И хотъ робить майже день и нѣчь, рукъ не чуетъ, но годѣ и тяжко чого доробитися.

Купивъ уже за остатный грѣшъ лоша, пѣйшло пагнись, вскочило ни зъ сего ни зъ того въ дворекѣй ставъ, утопилося.

Горе тобѣ Дмитре,

Зъ твоею бѣдою,

Бѣда въ тебе бачу,

Таки за синуєю.

Ходить Дмитро та журить ся, бо вже не то що, але и хлѣба не стае. А у Гриця всякое добро и еще що разъ примножуеся, приболѣшаеся.

Гадае собѣ Дмитро: одна насъ мати родила, а Богъ намъ не одну долю и не однакове далъ щастье.

Подумавъ собѣ Дмитро, тай пѣйшовъ до своего брата Гриця, щобы ему позичивъ збѣжа, бо выпадае безъ хлѣба голодувати.

Прѣйшовъ и просить: позычь брате корецъ жита, Богъ уродить, ѣтдамъ, бо видишь, що я купити не маю за що, а заробити нема где. Позычь, змилуйся, позычь, бо у тебе, Богу дяковати, есть всего подостаткомъ.

Гриць каже: Позычити не позычу, але на заставу поля то дамъ. Дай менѣ свою ниву на Загуменкахъ на 6 лѣтъ на отсѣвъ, то дамъ тобѣ корецъ жита, а иначе и не говори до мене ничего.

Пощкробався Дмитро въ голову, зѣтхнувъ, божъ та нива родила ему 10 копѣ збѣжа и була найблисша отъ дому. То чи гной вывезти, чи доглянути, то бѣдному все таки блисше. Пѣйшовъ до жѣнки, порадитися, що тутъ робити.

Жѣнка каже: Лучше уже заставъ на Заболотной, тамта троха дальше и родить 7 копѣ, та вже и не на 6 лѣтъ, досить на два.

Ходить Дмитро, думаетъ, але ѣсти ся хоче. Иде до Гриця и каже за ниву на Заболотной, и то ино на 2 роки за корецъ жита, тай ще хоть $\frac{1}{2}$

корця ячменю на крупы. Гриць и руками затрясе и слухати не хоче о Заболотной, каже, то не заставляй собѣ и жадной, а я и

наче не дамъ жи-
та якъ не за За-
гуменки и до-
дамъ ще $\frac{1}{2}$ кор-
ця ячменю, але
на 6 лѣтъ.

Знаешъ бо бра-
те, поле треба
погноити, то бу-
де родило, а якъ
не погноишь, то и не родить ничего. А менѣ
за гнѣй належится що найменше 2 роки сѣ-
яти. Шѣсть лѣтъ уживати за $1\frac{1}{2}$ корця збѣжа
и еще погноити, то не богато.

Дмитро приставъ и погодились. Взялъ
корець жита и пѣлъ корця ячменю и отсту-
пилъ братови Грицеви Загуменки на 6 лѣтъ.

Принесъ жито до дому, принесъ ячмень,
змололи, натовкали пен-
цаку, и вже голоду не-
ма. Но було и мину-
лось, бѣда Дмитрови,
хоть гинь.

Загриженный Дмитро
не мѣгъ спати и хо-
дивъ въ ночи по горо-
дѣ. Дивится, а тамъ на
капустяныхъ грядкахъ
щось лазить. Рве ка-
пусту зъ Дмитровыхъ
грядокъ, а садить на
Грицевыхъ. Вотъ, чи
якась дитина, чи щось
такое. Маленъке видно,
а пакѣсть уже знае
бѣдному робити.

Пѣйшовъ Дмитро зъ
тихенька по-за фасолю,
пѣ-за коноплѣ и тамъ
засѣвъ и дивится, що
то такое. — Пригляда-
еться, таки на правду
рве зъ его грядокъ ка-
пусту, а садить на Гри-
цевихъ.

Зближилось до Дми-
тра тое малое чудо, а Дмитро его хапъ въ
руки. Оно зъ переляку ажъ закричало, и хоче
вырватися зъ рукъ Дмитра.

Дмитро каже: О, нѣ, небоже, я тебе не
пушу. Ты мусишь менѣ сказати, що ты ешь, и
на що ты менѣ кривду робишь. Чи жъ ты не
знаешъ, що я и такъ бѣдный, а ты мене о-
крадаешъ и даешъ братови, а братъ и такъ
богатый.

А тое малое попилятко каже: я ешь щастье
Грицеве. Я ему во всемъ и всегда помогаю.
Тому онъ богатый, а ты бѣдный, бо ты не
маешъ тутъ въ селѣ шастя, а за то маешъ
бѣду, таки въ твоей хатѣ на печи сидить.

— А гдежъ мое щастье? чи я его таки
уже не буду мати? Пытае Дмитро.

— Твое щастье есть въ мѣстѣ. Ты свое
добро въ селѣ продай, выберайся до мѣста зъ
всѣма твоими домашними, а выбираючись, шо-
бысь и шо забувъ, то не вертайся вже по не-
го, то свою бѣду оставишь, а якъ вернешся,
то бѣда зновъ поволочится въ слѣдъ за тобою.
Послухай и пустижъ мене, продай свое до-
бро Грицеви, будешъ щастливый, нехай мене,
бо грѣхъ часъ тратити. Я мушу Грицевы спри-
яти, бо щастье и въ ночи доброму чоловікови
корысть приносить.

Ты иди до мѣста,
Тамки твоя доля,
Тутъ на нужду зѣдешъ,
Не ѣдберешъ поля.

Послухай, зроби тое, що я тобѣ раджу,
а еще гараздъ тобѣ бу-
де. Будуть ще изъ те-
бе люди.

Задумавъ ся Дми-
тро, попелятко пустивъ,
тай гадае: га, Божа
воля, послухаю я тебе,
може Богъ и для мене
буде ласкавъ, а коли
ты братове щастье, а
мое ажъ въ мѣстѣ, то
я спродамъ и свою
найку братови.

На другій день ра-
ненько, пѣйшовъ Дми-
тро до брата Гриця,
тай ему каже:

Ты маешъ щастье,
Ты маешъ долю,
Я, бачъ, не дороблюсь,
Ничъ на своему полю.

Купи брате всю мо-
ю найку съ полемъ, съ-
ножатами, будинками и
съ огородомъ. Ты ма-
ешъ щастье, маешъ и
грошѣ, то купи, а еще
больше щастье и долю

будешъ на большѣмъ грунтѣ мати.

А где много грошей,
И где много поля,
Пожитокъ хорошій,

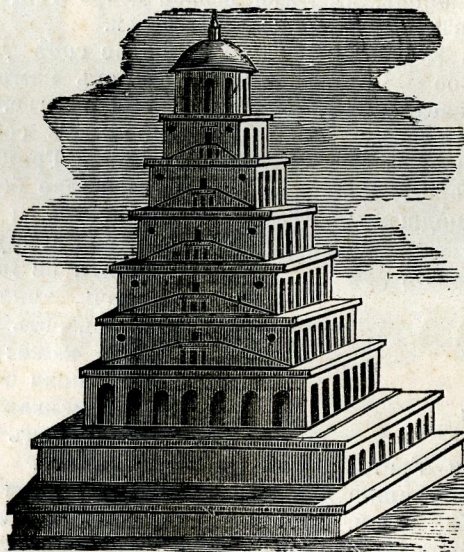
Тамъ щастье,
тамъ доля.

Не каждому,
правда,

Самъ Господь
Богъ годить

Однѣ мають
щастье,

Другихъ нужда
водитъ.

Вежа вавилонска. (Описъ на стор. 13)

Послухай брате и купи, бо тутъ твое щастье и твоя доля тобѣ сужена знати самимъ Богомъ зъ высокаго неба.

Слово по словѣ, згодились. Гриць давъ Дмитрови за его майно 120 злр. Дмитро хотай бувъ бѣдный, але бувъ и побожный та и добродушный.

Давъ 20 злр. на церковь въ своимъ селѣ, а сотку взявъ и все що могли зъ собою унести, и пустилися въ дорогу до мѣста.

Въ дорожѣ пригадавъ собѣ Дмитро, що забувъ сокиру въ дома. Вернувъ ся, приходитъ до хати, а на печи щось плаче. Дмитро зхилився взяти изъ-подо лавы сокиру, а оно гоппъ ему на плечи, тай ракомъ приселось, держитъ ся. Дмитро стрясаеся, откидае, а оно каже: о я не покинуся тебе небоже, бо то я твоя бѣда. Було не вертатись по сокиру.

Ну иде Дмитро вже зновъ зъ бѣдою на плечахъ. Прийшовъ до жѣнки и розказуе ей о своей пригодѣ.

Заплакала жѣнка и идуть вже всѣ четверо, Дмитро, его жѣнка, хлопецъ и бѣда зъ ними.

Идуть они черезъ лѣсъ, дивить ся Дмитро, лежитъ коло дороги колода. Дмитро сѣлъ на колоду, выинявъ рогову табакерку и нюхае табаку. Выскочила цѣкава бѣда зъ заплечей, тай пытае: Що ты робишь Дмитре? Вотъ нюхаю табаку зелену, таки изъ-за кордону. Скортѣло бѣду и собѣ понюхати табаки. Вскочила въ табакерку, а Дмитро лопъ, заперъ вѣчкомъ и тисне. Табакерку далъ жѣнцѣ, щобы добре держала въ рукахъ, а самъ зробилъ клинъ, и зачавъ колоти колоду. Коли троха почалася колоти, Дмитро въ ту шпину вложивъ табакерку, клинецъ выбивъ, и лишивъ бѣду въ колодѣ.

Хоть пицала и кричала,
Но милости не дѣзнала.

Бѣда пицить, а Дмитро иде до недалекого мѣста. Прийшовъ въ мѣсто.

Ходить Дмитро и думаетъ,
Чей где службу напытае.

Идуть всѣ трое, Дмитро, его жѣнка и его бѣдненькій, мизерный та марный хлопчина.

Дивлять ся, стоить якій то панъ на розѣ камяницѣ, тай пытае ихъ: За чимъ вы люди шукаете? Дмитро, якъ то звычайно кождый русскій селянинъ робить, склонилъ ся низенько, знялъ капелюхъ, и каже: Прошу пана, службы шукаемъ, та такомъ щобы я, моя баба и мой сынокъ, помѣстились разомъ. Табысьмо

слухали, тай робили вѣрно тай щиро, що намъ прикажутъ.

Бо якъ нема зъ ѳтки жити,

Треба въ наймахъ намъ служити,
абы, прошу пана, не украсти.

Кобы намъ Богъ допомоглъ где въ добрыхъ людей на службу стати.

А панъ каже: Добре, менѣ власне такихъ людей треба. Я васъ всѣхъ трохъ на службу приймаю. Ходѣтъ за мною, представляю васъ моей жѣнѣ. Панѣ видно якась добра, бесѣдлива. Хлопця погладила, дала ему булочку, казала дати имъ всѣмъ тромъ попоѣсти. Вотъ Дмитро во первый разъ по Великодни зъ своею челядью ѣлъ тутъ смачне мясо зъ пытлованымъ хлѣбомъ.

Богъ все милосердный, о всѣхъ памятае, Вѣрнымъ своимъ слугамъ, долю посылаетъ.

Дмитро сталъ въ магазинахъ того пана сторожомъ, бо той панъ то бувъ богатый купецъ. Жѣнка Горпина стала покоевою въ панѣ, а хлопчина, Петрунь, бувъ послугачемъ и потѣхою всѣхъ.

Панъ побачилъ, же то щирѣи и вѣрнѣи люди, полюбилъ ихъ, а Петруня даже посылалъ до школы. Все на него справилъ, и училъ ся хлопчина прилѣжно, якъ то звычайно всѣ сельскіи дѣти нильно до школы въ мѣстахъ ходять и добре учать ся.

Такъ служили они у того пана уже 7 лѣтъ. Дмитро, видячи що то добрый панъ, и богатый, заразы зъ початку ѳддалъ ему до рукъ свою сотку, що за свѣй грунтъ отъ брата Гриця взялъ. Отъ и жилось щастливо, бо доброму всюда добре.

Одного разу казалъ панъ Дмитрови чистити льохъ (пивницю). Дмитро чистилъ и все ровнялъ и выкопалъ зъ землѣ барилку грошей, такую велику, що ю ледво рушити могъ.

Заразы прийшовъ до своего паньства и замельдовалъ, що знайшовъ барилку грошей.

Пѣйшовъ панъ оглянуль мѣстце где она схована була и каже: „Тѣи гроши, то не мои. Я той домъ купилъ, а же уже зъ того роду нема никого на свѣтѣ въ живыхъ, що той домъ менѣ продали, то твое щастье; возьми собѣ тѣи гроши и урудай ними якъ хочешъ.“

Дмитро оглянувъ зъ паномъ тѣи гроши, а тамъ були дукати, талары и сребрніи сороковѣцѣ.

Утѣшилъ ся

Дмитро дуже, подяковалъ панови и панѣ и панъ позволилъ имъ щобы собѣ купили що имъ угодно, грунтъ, чи що собѣ хотять, а онѣ имъ

въ купнѣ еще и допоможе и отъ службы у-вольнить.

Пойшоъ Дмитро, и на предметю на-питаль прекрасный фольварокъ зъ 200 морга-ми грунту, а 100 морговъ лѣса и 50 морговъ пасовиска, та и 40 морговъ сѣножатей.

Згодилъ, далъ задатокъ и побѣгъ до сво-го пана. Панъ поѣхавъ, списали контрактъ, Дмитро выплатилъ всѣ гроши и сталъ сво-боднымъ гражданиномъ на своей власной зе-мли. Мешкалъ якъ панъ въ покояхъ и тѣшилъ ся своимъ щастьемъ. Дмитро зъ своею челя-дію бувъ побожнымъ чоловѣкомъ, тожъ заду-малъ справити поминки по своихъ родичахъ и посвятити будинки. Умовивъ ся зъ русскимъ священникомъ въ который день Богослуженіе маеть ся ѣтбути и запросилъ брата зъ роди-ною на той день.

Братъ, думючи, що Дмитро все таки бѣдный, бо щожъ бы онъ могъ за 7 лѣтъ за-служити и въ своей зарозумѣлости каже гор-до до своей жены: слухай но! упечи тамъ хоть хлѣба, та нехай Маланка (слуга) надре крупъ зо 2 гарцѣ, щобысьмо, заѣхавши до бра-та, мали чимъ поживити ся.

Я, Богу дяковати богатый, все маю, а онъ наймитюга, що онъ може мати? Отъ гдѣсь купилъ якусь кучу, тай и то вже хоче похва-лити ся, що то онъ нѣбы вже господаръ.

Прійшоъ назначеный день, приѣхалъ панъ зъ панею, приѣхалъ братъ Гриць зъ ро-диною, якось допыталъ ся где Дмитро мешкае, а коли все оглянувъ, остолпѣлъ зъ перечуду и цѣкавости.

А коли ему показали Дмитровѣ ланы, лѣсъ, пасовиско и сѣножата, та прекрасный фольварокъ Дмитровѣ, то Гриць зъ дива ажъ выкрыкнувъ: „Гей! Абожъ то правда, що то его — то не правда. Вы мене дурите або хо-чете собѣ зъ моего брата Дмитра закъпити.

Приходитъ здивованый до двора, бо еще не вѣривъ, а кѣшъ зъ жѣнкою за брамою ос-тавилъ, держитъ и капелюхъ въ руцѣ, дивитъ ся, самъ собѣ недовѣряе, ажъ Дмитро его уз-рѣлъ и запрашае и каже, що то за Божою по-мочію и того пана, все то его по правдѣ. При-виталя ся зъ братомъ, а братъ зъ чуда зъ ди-ва мало не умѣлъ и все кричить: Гей! Дми-тре, то по правдѣ все твое? Гей! а тожъ якъ? Дмитро каже: введи конѣ на фольварокъ, приходѣтъ сюда всѣ, а вже ажъ по Богослу-женію о всемъ тебѣ роскажу, — а теперь спѣ-шѣмъ до церкви, щобы егомость долго на насъ не ждали.

Зѣйшлись всѣ, Грициха ажъ посоловѣла, узрѣвши такъ прекрасное майно. Привиталася зъ Дмитрихою, Горпиною и зъ Петрунемъ и одній поѣшли, а другій поѣхали до церкви.

Въ церквѣ вже все готовое було. Пала-марѣ свѣтили свѣчки, дякъ шпираль въ кры-

лосѣ по книжкахъ, а священникъ читалъ вже проскомидію въ закрестіи, а Горпина положи-ла на тетраподѣ три великихъ бохонцѣ хлѣба, копу яецъ, три ковбасы, три кильо мяса пече-ного, фляшку доброго вина и 12 булочокъ по числу 12 апостоловъ, для убогихъ, своего пе-чива, а Дмитро поставилъ спорое горня коли-ва солодного зъ медомъ, щобы и душечкамъ въ царствіи небесномъ солодко и пріятно було жити въ Бозѣ.

Почалася служба Божа за упокой. Дми-тро и Горпина и коло нихъ Петрусь клячатъ и молятъ ся, а Гриць зъ своею родиною за-ложивъ руки на груди, тай думаетъ: зъ ѣтки Дмитро, его братъ, такой бѣдакъ, до такого щастя дойшовъ. То чудо, тай диво, ажъ диво и навѣтъ не чуе зъ пречуда що въ церквѣ спѣ-ваетъ ся.

Ажъ Дмитро его штовхнувъ зъ легонька, бо прійшовъ прашатися зъ Горпиною до Гри-ця и до его родины, абы ему передъ св. при-частіемъ простилъ, если яку до него обыду мае.

Дмитро пращаеся, а Гриць до него голо-вою киваетъ и мало въ голосъ ще разъ не за-пыталъ — зъ ѣтки ты Дмитре, до такого ща-стя прійшоъ?

По службѣ божой отправилъ ся и нара-стасъ, поблагословилъ священникъ и коливо, а Дмитрова Горпина ще дала на молебень (Па-раклись) до Пресвятой Дѣвы за здоровье до-брыхъ своихъ панѣвъ. По уконченю Богослу-женія, удались всѣ до дому на фольварокъ Дмитровѣ. Горѣлки Дмитро не мавъ, далъ всѣмъ здоровый господарекій обѣдъ, було мясо, ка-пуста съ вепровиною, локшины съ шкварками, каша съ росоломъ и волова печени.

Потомъ Дмитро потрактowałъ всѣхъ здо-ровымъ пивомъ. По обѣдѣ, панъ прикликалъ Дмитра до себе и ѣтдалъ ему ще 5 сотокъ. Каже: то маешъ за тую сотку, щось менѣ пе-редъ 7 лѣтами далъ до рукъ. Я еи взялъ до мого гандлю и пощастилося менѣ зъ нею, тожъ вертаю тобѣ зъ процентомъ. Дмитро не-хотѣлъ брати, бо каже я и такъ зъ вашою ру-ки щастливый, но панъ настоялъ и Дмитро мусѣвъ взяти своихъ 5 сотокъ.

Гриць якъ тое узрѣвъ, ажъ ротъ роззя-вилъ и думаетъ собѣ, тажъ то 5 сотокъ, тажъ то сума гей, гей. Ото допѣру, а най ся тямить — ну промана, не Дмитро. Не могъ вздер-жати ся, пристунае до Дмитра и просить, що-бы ему розказавъ, якимъ чудомъ онъ до тако-го щастя прійшоъ. Дмитро попросилъ гостей, щобы ласкаво послушали и почавъ говорити ось такъ: Тогда, якъ у мене нестало хлѣба, я тебѣ хотѣлъ за корецъ жита и за 1/2 корця яч-меню заставити на 2 роки Заболотну, а ты брате наперѣ ся, абы я тобѣ заставилъ Загу-менки на 6 лѣтъ и я радъ не радъ заставилъ Загуменки, — но зъ гризоти въ ночи не могъ

спати и ходилъ по огородѣ. Тамъ узрѣлъ я якогось попелюшка, що зривалъ зъ моихъ грядокъ капусту, а садилъ на твоихъ. Я зъ тиха зайшоу по за фасоло и коноплѣ тамъ въ кутѣ засѣлъ и того твого попелюшка зловилъ въ свои руки и не хотѣлъ его пустити, допитуячись, на що рве зъ моихъ грядокъ капусту, а на твоихъ садить.

Попелюшокъ, видячи що зъ моихъ рукъ не выдреса, каже до мене: Я твого брата Грицька, щастье, я ему сприяю въ день и въ ночи — а для тебе тутъ въ селѣ щастя нема, бо бѣда твоя сидить въ кутѣ на печи твоѣй, твое щастье въ мѣстѣ, продай свое добро моему господареву Грицеву, а самъ заберайся, бери що можешъ и иди до мѣста, но якъ бысь що забувъ, то не вертайся до дому, бо и бѣда зъ тобою поїде. Я все тобѣ продалъ за 120 злр.; 20 злр. далъ на церковь, а сотку взялъ и забралъ що мѣгъ и поїшоу. Но нагадалъ уже за селомъ, що я забувъ въ хатѣ подъ лавкою сокиру. Вернулъ ся по сокиру, приходжу подъ хату и чую, же ктось плаче въ хатѣ.

Я прїйшоу, взялъ сокиру, а бѣда менѣ на плечи гонѣ и каже, добре щось прїйшоу, я уже тебе николи не покинуся. Я страсалъ зъ плечей, ловилъ, но не мѣгъ ничего зробити, и поїшоу вразъ зъ бѣдою. А коли мы вже були въ лѣсѣ, узрѣлъ я колоду що надъ дорогою лежала, вынявъ табакерку абы зажити зеленой табаки, бѣда собѣ просила табаки я наставилъ отворену табакерку, бѣда вскочила, я скоро заперъ вѣчко, зробилъ клинъ, розбилъ сокирою и клиномъ троха колоду розколовъ и застромилъ въ шпалу табакерку зъ бѣдою, клинъ выбилъ и поїшлисьмо дальше.

Знайшлисьмо заразы того самого дня службу у того доброго пана, я имъ далъ свою сотку и по 7 лѣтахъ мѣй панъ приказалъ менѣ чистити льохъ. Я чистилъ и знайшоу тамъ въ льоху законанї гроши, которїи той добрый панъ и добрая панѣ менѣ подаровали и сказали, же то мое щастье и отъ службы насъ у-

вѣльнили, и я въ той способъ прїйшоу до такого маетку — а панъ ще менѣ за мою давну сотку дали 500 злр. то буду мати, на провадження дальше моего господарства. Люди выслухали, здивовались, поглядали на доброго пана и сказали: мае щастье.

Но братъ Гриць собѣ иначе думалъ. Онъ постановилъ лукаво поступити зъ братомъ Дмитромъ, забувъ на приповѣдку: кто подъ кимъ яму копае, той самъ въ ню впадае.

Бдучи зъ поминокъ до дому, уважалъ долбре, где лежитъ тая колода, а коли ю узрѣлъ, сталъ, взявъ клиномъ колоду розбивати, щобы на брата бѣду выпустити. Розбилъ, табакерку вынялъ, отворилъ, а бѣда ажъ зрадѣла и каже до него: „Теперь мѣй друже не попустися я тебе и до смерти, бо тысь мене зъ нужды выпустилъ.“ Що Гриць намолилъ ся, напросилъ ся, щобы ишла до Дмитра, но бѣда нѣ и нѣ, я твоя, твоя до смерти. Немогучи бѣды збутись, вже съ бѣдою сѣлъ Гриць на вѣзъ тай ѣде. Ще не выѣхали зъ лѣса, ажъ тутъ одинъ конь захоровалъ, повалилъ ся на землю, ажъ дышель зломавъ и здохъ. Гриць бѣдуе, ѣде вже ино однимъ конемъ, а другїи позлазили зъ воза идуть: — вже вотъ и село не далеко, дивлять ся, уноситъ ся черный дымъ, село горить. Гриць вьокае, цукае, поганяе, ѣде якъ може, но о горе, нѣмъ доѣхали, а Грицевин будинки со всею майномъ до тла згорѣли. Пропало добро, пропало майно, пропала тяжкая праця, все пропало, но выратована зъ колоды Грицемъ бѣда при Грицеву вже и до смерти съ нимъ лишилась.

Вотъ такъ Грицю: не желай другому, що тебѣ не мило. Хочешъ, щобы тобѣ добре поводилось и щастливо жилось, такъ само хоче и твѣй братъ, твѣй сусѣдъ, твѣй ближний и каждый чоловікъ. Памятай Грицю, на руску пословицю:

Кто подъ кимъ яму копае,
Той самъ въ ню впадае.

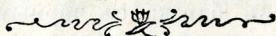
Д. Г. Третьакъ.

Вежа вавилонска.

Образокъ на сторонѣ 10-ой представляе намъ вежу вавилонску, котра збудована була зъ цегли и камѣня на кѣлька тысячи лѣтъ передъ Христомъ. Славный то бувъ народъ въ тѣмъ Вавилонѣ. Пѣсля описаня греческого писателя Геродота, который своими очима бачивъ тую вежу, мала она 7 поверховъ, а каждый изъ тыхъ поверховъ бувъ такъ высокій, якъ теперѣшня яка вежа або церковь; тїи 7 поверховъ мали числїти около 625 стѣпъ высоты, кромѣ же того бувъ вершокъ (бана) и фундаментъ, которїи оба запевно о два поверха высоты ровнались.

Въ той вежѣ стоявъ божокъ Ваалъ, вылитый изъ золота, а предъ нимъ на офѣру палили кадила. На самой же горѣ сидѣли „жрецы“, т. е. священники того божка Ваала, а тїи священники були астрономами и зъ той вежи смотрѣли на звѣзды и предсказовали различнїи событїя.

Матари на весѣлю.

Повѣстка исторична.

Послѣ І. Крашевскаго, написавъ М. Б—съ.

Все минулося, все забулося, лишилися тѣлько споминки о величію и богатствѣ нашо-го русскаго народа.

Сердце кровь заливає, коли погадаємъ о той силѣ, и о тыхъ богатствахъ нашихъ русскихъ вельможъ, нашихъ бояръ и нашихъ князѣвъ, где то все подѣлося, якъ то все зникло, якъ знидѣло, зпорохнявѣло! А прецѣ оно такъ не було, якъ есть нынѣ. Свѣдками нашої славы и нашего русскаго могущества лишилися тѣлько могилы, курганы, розвалины монастырей, церквей и замчискъ; они пригадують давну нашу славну бувальщину, они свѣдчатъ о томъ якъ було перше, а мы видимъ якъ есть нынѣ, и за того насъ сердце болить и духъ въ грудяхъ запераетъ.

* * *

На замку въ Дубнѣ, на Волинѣ, справлявъ весѣлье своей кривнящѣ и выхovanцѣ, княгинѣ Беатѣ Дольской, можный нашъ русскій князь, Василь Острогскій, князь на Острозѣ, воевода кievскій, маршалокъ волинскій, староста володимирскій и панъ надъ паннами, посѣдающій по своихъ славныхъ предкахъ 70 мѣстъ, 300 селъ, замки и землѣ, лѣсы и воды и безчисленніи множества збройного русскаго рицарства, и тѣмъ тѣмненна козачства.

Отдававъ онъ княжну Беату за молодого князя Соломирецкаго, покровненого князямъ Острогскимъ. Обѣ тѣмъ фамиліи выгасли нынѣ такъ, що и слѣду нема, а прожили они прецѣ кѣлькасотъ лѣтъ, и походили впростъ отъ славныхъ нашихъ князѣвъ галицкихъ Ростиславичей.

Все приготавлилося до торжества весѣльного. Безчисленный зѣздъ гостей зъ близка и далека, кривныхъ, знакомыхъ и приятелѣвъ

собралосъ множество, бо любили князя Василя и высоко почитали его родину. Цѣлый замокъ дубенскій наполнили прибувшіи гостѣ съ численною службою, повозами, повозками, возами и конно, а нѣкоторіи тиснулися зъ мѣста Дубна, дабы узрѣти молодую пару, и пожелати ей счастья и благословенія божого.

Бувъ то ранокъ въ мѣсяцю грудню. Небо засунулося тяжкими чорными хмарами, а зъ нихъ присыповавъ дробенькій снѣжокъ; вѣтеръ дувъ изъ всходу; солнца не було видно, а нѣ разъ, природа бо не стосується до чувствъ и дѣйствій и наибѣльшихъ панѣвъ и вельможъ, она має свои права. Сотки слугъ огрѣввалися при розложеномъ огнѣ на подвѣрбу замка и покрѣплялися напоями и ѣдломъ, черпаючи спорими варехами зъ великихъ котлѣвъ, що

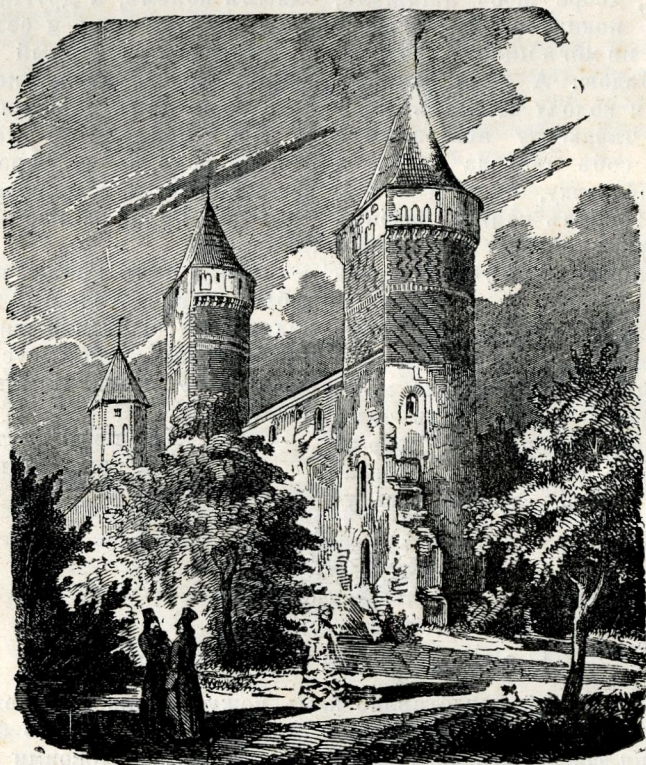
стояли надъ огнемъ; весело имъ було, хотѣ студень допѣкала; молодѣжъ заводила танецъ, а старшіи покурювали собѣ люлочки и забавлялися розказами.

На цѣломъ замку не було и одного кутика, где бы не бѣгано, говорено, прошено, прилагоджованося и убиранося.

Въ пекарнѣ княжеской крутилися кухарѣ и кухарки, пекли, варили, краляли, солили, перчили, укладывали на полумиски, тарелѣ, словомъ рухъ, бѣганина, клики и поклики. Кухарѣ ажъ захрипѣ отъ крику и розказѣвъ.

Въ комнатахъ и свѣтлицяхъ собраніи гостѣ розмовляли, оповѣдали собѣ о войнахъ, о ловахъ, о господарствѣ и пошивали солоденькій медокъ, угорское вино и закусовали смачными стравами; не грали въ карты, якъ то теперѣ дѣється, але провадили поважніи бесѣды о всякихъ рѣчахъ.

Молодой князь Соломирецкій, бѣлявый, съ чорными очима, худой и высокий, не мѣшався до розмовы старшихъ, лишѣ слухавъ

и усмѣхався; поправлявъ одежду на собѣ и придержувавъ вызолочену рукоять тяжкого меча. Отъ часу до часу подкручовавъ маленькій усокъ.

Въ передней комнатѣ по серединѣ стоявъ узброенный козакъ, прилетѣвшій що ино зъ чать. Голова у него оголена, лишь оселедецъ заплетенный звисъ ему на рамена: зъ-пѣдъ короткого кожуха видно було на немъ дротяну сорочку, у боку висѣла тяжка шабля, черезъ плечѣ самопаль, янчарка, лукъ и стрѣлы; за поясомъ стремѣвъ довгій нѣжь, а по правомъ боцѣ висѣла торба съ кулями, порошница и довгій шолковый шнурокъ, которымъ закидувавъ онъ на татарина, хотѣвши его живого зловити.

Его обступили рицарѣ и бояры; всѣ его питали и съ увагою слухали его короткой но смѣлой бесѣды.

— И щожъ, суть вѣсти о татарахъ?

— Таже такъ, якъ кождой зимѣ, якъ лишь воды замерзнуть, всюда о нихъ говорятъ. Тягнутся хищніи безвѣрки хилкомъ долинами.

— А кудижъ тягнутся?

— А кто ихъ тамъ знае, одинъ Господь Богъ, що на нашу святу русску землю ихъ зсылае. Якъ прійдуть, будесе за ними курити и димити, а поля застелются новими могилами, бо еще ихъ за мало. Теперъ гдесъ зарытіи въ землѣ, якъ тотіи креты, лишь зъ рѣдка головы выставляють, дабы ихъ наше око не дозрѣло.

— Кѣлькожъ ихъ може бути, запытався князь Василь.

— Якъ всегда, тѣлько якъ саранчи, а больше коней, якъ татаръ, бо у нихъ и конѣ бують, а у насъ и люди не умѣють.

— А ктожъ ихъ видѣвъ?

— До теперъ никто, але кто боится, той далеко видить.

— А такъ, страхъ мае велики очи, доложивъ панъ-отецъ Макарій, архимандритъ Спаского монастыря и исповѣдникъ князя Василя.

Козака запросили до гостинной комнаты на почестне, а князь Василь выславъ сейчасъ пѣль сотнѣ своихъ козаковъ на розвѣдки за татарами.

* * *

Вѣсть о татарахъ спала въ самый часъ весѣльный и зъ устъ до устъ рознеслася разъ по цѣломъ замку. Дойшла она и до комнаты молодой княжны и до ей подругъ и до челяды и на подвѣрье межѣ веселыхъ слугъ и до стражи на баштахъ и до зводженого мосту.

Въ мѣстечку Дубнѣ зробився переполохъ межѣ мѣщанами. На звоницѣ спаского монастыря ударили у великій звонъ на тревогу. Одни люди утѣкали на замокъ, другіи зами-

кали брамы, ставляли варту, ховали по льохахъ дорожніи рѣчи, инніи острили мечи, лагодили луки, стрѣлы, набивали ручницѣ, затыгали на окопы желѣзніи пушки, и все лагодилося до обороны.

Изъ поблизкихъ селъ жѣнки съ малими дѣточками пхалися до замку. Глота зробилася велика.

И хотия князь Василь приказалъ передъ женщинами на замку не говорити ничъ о той вѣсти, то однакожъ они скоро довѣдалися о ней ѡтъ своихъ мужей, сыновъ и сродникѣвъ и дойшла тая вѣсть ажъ до комнаты княжны Беаты, коли власне въ той часъ розплетали ей долгу черну косу.

Прислуга и дружки съ трепетомъ убирали княжню до слюбу, пошептующи все щось о татарахъ, поглядаючи одна на другу и забываючи о своей работѣ. Княжна дозрѣла той несной и замѣшанье, и съ полною повагою и съ спокоемъ запытала:

— Но, и щожъ тамъ сталося нового?

— Ничо, ничо, свѣтлѣйшая панѣ, — але, але говорятъ, —хотия тутъ не вѣльно ѡ томъ говорити, бо всесвѣтлѣйшій князь запретилъ, що татарѣ идутъ.

— Где идутъ, — тутъ до насъ? — запытала съ спокоемъ княжна.

— Таже, говорятъ, що тутъ, до насъ, и вже недалеко. Неизчислима сила ихъ идетъ, — а я ся ихъ такъ бою — говорила кризь плачь одна молоденька дружка, а руки ей и цѣле тѣло тряслося якъ въ пропастиницѣ. Они такіи страшніи, съ широкими пласкими носами, съ воловыми слѣпаками, съ великими ослячими ухами, ѣдятъ кѣнске мясо, пють христіанску кровь, а закусуютъ тѣломъ дѣточимъ и не вѣрятъ въ Исуса Христа, ни въ Богородицю. Я ся ихъ дуже бою!

— А я нѣ, — ѡтповѣла княжна выпроводивши въ креслѣ, — бо першого, щобы до мене смѣвъ приступити, задусилабымъ своими власними руками.

— Ага, — взяли бы насъ, повязали и загнали до свого сераю, а по томъ продали якъ тоту скотину; най насъ Богъ Всемогущій и Пресвятая Богородиця Почаевска стереже и боронить ѡтъ тыхъ поганцѣвъ, бо они не вѣрятъ въ Бога, якъ отецъ архимандритъ Макарій говоритъ, у нихъ и души нема, а женщину держутъ за невѣльницю — говорила на пѣль съ плачемъ одна съ подругъ княжнин.

— Души они мають, бо иначе не могли бы жити, але ихъ душѣ поганьскій, — ѡтповѣла княжна.

— И такимъ людямъ можемся достати въ руки, — докинула друга дружка.

— Кто? мы? — А щожъ то мы не на замку, не маемъ пушокъ, куль, пороху, мечей, кинжалѣвъ, а тѣлько тутъ людей, молодыхъ

жавыхъ, отважныхъ и сильныхъ, — не ма-
емъ мы воды въ Иквѣ? — съ жаромъ говори-
ла княжна, а лице ей зарумянилось якъ рожь.

— Але ихъ тьма тьменна, а насъ мало.

— Насъ мало, то правда, але съ нами
Богъ и Пресвятая Богородица Почаевска; бо-
ротись будемъ до послѣдней капли крови, а
якъ бы насъ перематили, то одна бочка поро-
ху въ льоху подъ замкомъ и тлѣюща губка,
погибнемъ всѣ, а живыми имъ не отдамось, —
сказала съ натискомъ княжна,

— Славно, славно! — заговорилъ вхо-
дящій князь Василій Острогскій, — такъ го-
ворити, такъ думати и такъ робити треба
всѣмъ, то ніякій ворогъ не посмѣлъ бы стати
своею скверною ногою на нашу руску землю,
а не то слѣпый та безвѣрный татаринъ. Они
еще гдесъ далеко крыются въ норахъ, дабы
ихъ быстрѣи очи нашихъ козакѣвъ не дозрѣли.
Мы тымъ часомъ думаймо о всѣмъ, та ла-
годѣмся скоро, бо часъ уходитъ, а якъ уда-
рятъ на замокъ въ пушки, то мы ихъ тутъ
пріймемъ такъ, що бѣльше они сюда и не по-
кажутся.

И по правдѣ, не було чого бояться въ
дубенскомъ замку; то була сильна крѣпость,
заосмотрена грубымъ на аршинѣ муромъ, высо-
кими землянными валами и окружена глубо-
кимъ ровомъ, до которого вода изъ рѣки Иквы
вливалась. На баштахъ и валахъ стояли пуш-
ки и горлачъ, въ зброевнѣ повно самопалѣвъ
и всякого оружя, коморы заосмотреніи всяки-
ми зѣстными припасами, що могло выстари-
ти на довгій часъ облоги, а въ округъ замка,
полно ставищъ и трясавищъ. До такого замку
не легко було достатися шайцѣ татарской ды-
чи, котра лишъ на безружейныхъ людей не-
сподѣвано нападала, рабовала и въ плѣнъ за-
бирала, але припускати штурмъ до сильного
замку, не легко важилося.

Тымъ часомъ снѣжница уставала, тяжкіи
хмары рѣдѣли, днина выяснювалася. Князь
Василь ходивъ изъ комнаты до комнаты, роз-
говоривалъ съ гостями, новоприбувшихъ ви-
тавъ сердечно, и помимо вѣсти о татарахъ, и-
шло все весело.

Въ церквѣ замковой прилагоджено до
вѣнчання; — застеляно дорогими персими ко-
верцами, дыванами, ставляно свѣчники, закла-
дано грубѣи зъ бѣлого воску свѣчки, а діяко-
ны и служебники выкладали цѣлкомъ въ зо-
лотѣ доски оправлене евангеліе и другіи кни-
ги, ставляли золотокованный и брилантами на-
саженный старосвѣтскій крестъ. Отець архи-
мандритъ Макарій оглянувъ тое все и похва-
ливъ прислугу за точное исполненіе приказу.

Въ великой сали замковой крутилася при-
слуга княжеска. На стѣнахъ тои салѣ висѣли
портрета предкѣвъ княжеской родины; одна
цѣла стѣна украшена була мечами, кинжалами,

хоругвами здобутими на войнахъ съ турками
и татарами. На серединѣ тои салѣ уставлено
уже столы въ видѣ подѣзовы и накрыто трема
прехорошо золотомъ и серебромъ вышитими
обрусами.

На столѣ стояли уже въ золотыхъ и сре-
бряныхъ мисахъ и полумисахъ горячіи стравы
съ мяса, муки, крупъ и всякои ярины. Тутъ
була и капуста квашена съ схабомъ и съ во-
ловиною и огѣрки кистѣ и голубцѣ съ пше-
номъ, полятїи саломъ и неѣстунїи нашїи
русскїи пироги съ капустою, а дригїи съ сы-
ромъ пливали въ сметанѣ, а наибѣльше дыч-
ны и рыбѣ, словомъ, було тутъ всего а всего
доволѣ. Въ кутѣ обѣкъ дверей стоявъ невеликій
дубовый столъ, прикрытый скатеркою, а на
немъ стояло три огромной величины поливанїи
мисы. Въ одной лежавъ печеный поросѣкъ, въ
другой телятко, а трета була наполнена горо-
хомъ съ капустою. Коло того стола, стоявъ
уже хлонѣга въ три аршины высокій, въ ар-
шинѣ плечистый, голова якъ добра дѣйниці
оголена, очи балаховатї, якъ у вола. То бувъ
княжескїи силачъ-великанъ; ѣвъ за двацѣть,
бився съ трїйцѣтьми, цупку бравъ на плечи,
а коня подносивъ одною рукою. Онъ спавъ
всегда подѣ дверми князя, а на войнѣ засту-
павъ его своими грудьми. Кѣлька кулъ татар-
скихъ стремѣло въ его тѣлѣ, но ему тое ничъ
не вадило. У боку его висѣлъ на ланци, кото-
рымъ бувъ оперезанный, огромный мечъ, за по-
ясомъ стремѣли два пистоля и долгїи нѣжъ.
Назывався онъ Грицко Знайда. На лицѣ и ру-
кахъ у него виднѣлося множество шрамѣвъ,
ямъ и гудѣ. Зѣ ѣтки онъ взявся на княжес-
комъ замку, то оповѣдавъ не разъ князь Ва-
силїй Острогскїи.

На войнѣ съ татарами ѣбили рускїи
войска много плѣну, а межїи нимъ найшли
козаки ланцами привязаного до коня парѣбка,
которого татарва гдесъ въ карпатскихъ горахъ
захватила, а же боровся съ татарвою и поло-
живъ ихъ кѣлькохъ ударами своихъ тяжкихъ
кулакѣвъ, то татары напосѣлися его взяти.
Звязали его шнурами, але шнуры пукали на
немъ, якъ нитки, тожъ они ланцухами его
звязали и привязали до хребта коня, дабы та-
кимъ способомъ доставити его въ Кримъ.

Коли его нашїи козаки освободили, то
онъ не хотѣвъ вже вертати въ свои горы на
полонину, а князь Василїй взявъ его на свой
двѣръ, где онъ выросъ на такого великана.
Въ кузнѣ княжеской выковавъ онъ собѣ самъ
величественный мечъ, виостривъ его на оба
боки, зробивъ собѣ съ желѣза двѣ грубїи бля-
хи, которыми засланявъ грудь и плечи, на го-
лову зробивъ собѣ зъ грубого желѣза колпакъ,
на верху которого сидѣла съ роззявленымъ
пискомъ гадюка. Страшный то бувъ чоловікъ.
Съ никимъ николи ничъ не говорилъ, а всѣ

его боялися, зъ замку нигде не ѳтдалявся, хибѣ съ княземъ на войну; тогда була у него радость и веселіе. Где наибѣльша купа татарвы, онѣ злавивъ зъ коня и кѣлькома скоками скакавъ межѣ татарву и своимъ мечемъ въ одной руцѣ, а кинжаломъ въ другой, косивъ якъ траву. — По такой справѣ звычайно вертавъ Грицко мокрый якъ зъ-пѣдъ дощу, розбѣрався до нага и полокавъ свою одежину въ первомъ лучшомъ потоцѣ ѳтъ кровы невѣрныхъ. Такой то бувъ Грицко Знайда на замку у можного русского князя Василія Острогского.

И теперъ онѣ стоявъ при своемъ столѣ и поглядавъ понуро зъ-пѣдъ лоба то на печеного поросняка, то на князя Василія, коли ему дасть знакъ до ѳдла, а бувъ вже голодный, бо тѣлько разъ на добу онѣ харчовавъ.

Надѣ головными дверми тои сали на выжкахъ (галеріи) стояла музыка и спѣваки.

Гостѣ ввѣшли до салѣ съ своею прислугою, а маршалокъ двора усадовлявъ ихъ по старшинѣ за порядкомъ. Заплечима кожного стоявъ его слуга. На першѣмъ мѣстцѣ засѣвъ князь Василій, обокъ него, по правой руцѣ, отецъ Макарій и такъ дальше позасѣдали поѣсла достоинства и заслугъ. Женщинѣ тутъ не було, бо поѣсла старого нашего русского звычайю женщины ѳли окремо ѳтъ мужчинѣ, разомъ бы не смѣли були и въ уста що взяти, бо була у нихъ встидливѣсть, не такъ якъ теперъ, що самѣ женщины идуть до трактиернѣхъ, або до кавярни или до цукернѣ по мѣстахъ, а по селахъ до корчмы, засѣдають до ѳдла и питя, а где-которіи кажуть собѣ и цигара кельнерамъ запалювати, и прислухуются съ цѣкавостію не моральнымъ розговорамъ пѣднитыхъ мужчинѣ, такихъ женщинѣ давными часами у насъ на Руси не було, бо бы ихъ свѣтъ бувъ выклявъ, а люди отелупили и ѳтпуралися. Але правда: теперъ иде поступъ, — поступъ на безголовье цѣлого человѣчества, — деморалѣзація и гнилизна идеть теперъ ѳтъ самого верха ажъ на долину до сельскихъ корчемъ, чоґо доказомъ були огидніи и застрашающіи криминальніи процеса (недавно въ Коломыѣ, а передъ тымъ во Львовѣ переведеніи). Такъ само и молодіи мужчины хотяи сѣдали до стола съ старшими, то не впускалися въ розговоры, а слухали и мовчали, хибѣ кто ихъ о що запитавъ, то ставали изъ своего сидженя и коротко а осторожно ѳтповѣдали, не такъ якъ нынѣ, що леда хлестоґъ, понюхавшій троха письма, безъ практи житя, безъ докладныхъ вѣдомостей, водить рей въ собранію старыхъ и поважныхъ людей, обкидуюе болотомъ заслуженыхъ мужей, валяеся по цѣлыхъ ночахъ по шинкахъ и кнайпахъ, потѣмъ ѳдетъ до шпиталю лѣчитися на заразливѣ хоробы, а въ слѣдствіе того все уже у-

тратитъ и силу, и волю, и охоту до житя, бере револьверъ и палъ собѣ въ лопѣ, бо жити не мае для кого и на що, все въ цвѣтѣ вѣка потерялъ, все зѣвѣчилъ. О, то такой теперѣшний поступъ! Хорони насъ Боже ѳтъ такого поступу !!!...

Але досто о теперѣшнихъ людяхъ, о звычайяхъ и обычаяхъ, ходѣмъ до сали нашего князя Василія Острогского, и подивѣмся що тамъ ся дѣе.

Коли такъ всѣ вже заняли при столѣ свои мѣстца, пѣдпався отецъ Макарій, а за нимъ всѣ гостѣ а перекрестившися трикратно, говорилъ на голосъ молитву, а за нимъ всѣ повтаряли. По молитвѣ всѣ снова уѣбли; першій набравъ зъ полумиска князь Василій, а за нимъ дальше по старшинѣ ажъ до наймолодшихъ.

Коли такъ ѳсти почали, сказавъ князь до Грицка: поживай Грицко на здоровье и на силу.

— Богъ да проститъ вашему сѣятельству — ѳтповѣлъ Грицко, уклонившися низенько, вхопивъ цѣлого пацючка въ свои жиливи руки, пѣднѣсь до рота и почавъ разомъ съ костями кусати такъ, що трескотъ изъ его рота розходився по цѣлой сали. Никого то не дивовало и не оскорбляло, бо знали всѣ далеко и широко силача-великана Грицка.

Гостѣ мало що ѳли, бо вже були по снѣданю, а набравши на серебрянную тарельку, кушали и ѳтдавали своимъ слугамъ. Такъ ишла страва за стравою, тѣлько зъ капусты и голубицѣвъ лишилися пороженіи полумыски. За каждою стравою здѣймала служба накритіи о-брусы, такъ, що коли прійшли медъ и вино, не було уже накрита на столѣ, лишъ серебряніи збаны и пугарѣ стояли наповненіи передъ каждымъ гостемъ.

Розговоръ ишовъ голосно и жваво. Одни говорили о славныхъ предкахъ, о ихъ побѣдахъ надъ турками и татарами, другіи о вѣстѣ о татарахъ, але все ишло спокѣйно.

Коли такъ бесѣдовано, встае старый князь Василь, бере пугаръ въ руку и починае говорити:

— Мои достойніи гостѣ! Якъ менѣ есть мило днесъ съ..... но тутъ дався чути крикъ въ передныхъ комнатахъ замку; дверѣ съ лоскотомъ ѳтворились, а до сали влетѣвъ задыханый козакъ и сказавъ: татары въ дубровѣ.

Всѣ сорвалися якъ опареніи изъ своихъ мѣстцъ, князь поставивъ пугаръ, каждый бѣгъ узброитися, одѣтися въ желѣзніи панцеры.

Въ кѣлька хвиль за тымъ розляглся по замку и въ окрестности гукъ пушечный, за нимъ другіи и третій. То бувъ знакъ, що татарва зближаеся. Изъ Спаского монастыря далься чути голосъ звона скоро бючій на тревогу.

На замку запановала велика замѣшанина:

одни бѣжали и кликали своихъ слугъ, другіи сѣдлали конѣ, третіи не могли отнайти ни своей зброи ни своихъ коней ни слугъ; мѣстски и сельски жѣнки пхались до комнатъ замку, старіи мѣщане и селяне лѣзли на муръ и башты замковой съ палками и камѣнями въ рукахъ; молодѣжь узброена въ шаблѣ, списы и самопалы, строилась вже въ ряды на подвѣрю замковѣмъ; рицарѣ въ желѣзномъ уборноу кричали: давайте конѣ, но въ замѣшаннѣмъ, мало кто ихъ чувъ и слухавъ. Князь Василій Острогскій стоявъ нахмуренный съ молодымъ княземъ Соломирецкимъ, и дававъ приказы своей дружинѣ, котра не могла скоро выстроитися въ боеву линію, бо ей перешкаждали и гостѣ и рицары, а наибольше всего селянскіи и мѣщанскіи жѣнки съ дѣтьми.

А що ся дѣяло съ женщинами въ комнатахъ.

Они сидѣли все при троухъ столахъ богато заставленныхъ розличными присмаками; на первомъ столѣ передъ княжноу Беатоу лежавъ на золотомъ блюдѣ прехорошо сдѣланный изъ тѣста и цукровъ нашъ русскій „коровай“, украшенный живыми цвѣтами. Що ино начали они поживлятися, якъ почувли въ мужескихъ комнатахъ неспокой и бѣганину, а по тѣмъ заразы трикратный выстрѣлъ изъ пушки, такъ заразы слабшій упали въ обморокъ, сильнѣйшій начали плакати, ридати и руки ломати, одна только княжна Беата и старша женщина Мокрина, жена атамана козацкаго, не утратили притомности и оттирали обомлѣвшихъ, успокаивали плачущихъ и потѣшали застрашенныхъ.

Но въ той хвилѣ ввѣйшовъ до комнаты отецъ Макарій, а успокоивши не много перелаяныхъ, просивъ скоро одягаться и ити съ нимъ до замковой церкви на молитву. Вся женска прислуга кинулася одягати своихъ панъ и разомъ съ ними поѣшли узкими сѣньми попередженіи отцемъ Макаріемъ до замковой церкви. Но межи ними не було вже княжны Беатоу; она лишилася гдесъ и никто ей не бачивъ где ся скрила.

Тымъ часомъ изъ башты замковой и изъ высокихъ мурѣвъ, окружающихъ замокъ, видно було, якъ зъ дубровы выѣзжала на коняхъ татарва и гнала предъ собою колыкадесять козаковъ, высланныхъ княземъ Василюемъ на розвѣды. Козаки розпорошеніи по выгонѣ мчались чваломъ къ замку, и лишь изъ рѣдка нѣкоторіи завертали конѣ, стрѣляли изъ самопалѣвъ въ толпу татаръ и снова наворачтали и гнали за своими къ замку.

Небавомъ высунулася вся тѣма татарвы изъ лѣса, за которымъ подносилися подъ облаки клубы сиваваго дыму. То горѣло мале село Задубровицѣ, зрабоване татарами а потѣмъ подпалене.

Передни отряды татарски розсыпавшися по выгонѣ, подѣзжали подъ замокъ, но не всюда могли ся приблизити, бо слабо примерзлая вода въ баюрахъ и ямахъ, и болота заламовалися подъ конскими копытами. Заду за ними розставлялся ихъ таборъ, а по серединѣ его поднялося шатро, на верху котораго повисла татарска хоругва съ полумѣсяцемъ на концѣ дручка. То шатро хана. Обокъ него надъ возами розтягано еще колыка меншихъ шатровъ для мурзѣвъ и другои ихъ старшины.

Зъ замку було все тое добре видно, бо лучи солнца точно въ ту пору освѣтили цѣлу дуброву и таборъ татарскій, а замокъ и мѣсто Дубно засланяла надсунувша ся хмара.

Укритіи въ закопахъ земляныхъ на валахъ замку стояли пушкарѣ съ запалеными люнтами и ждали лишь приказу, но никто имъ не дававъ знаку.

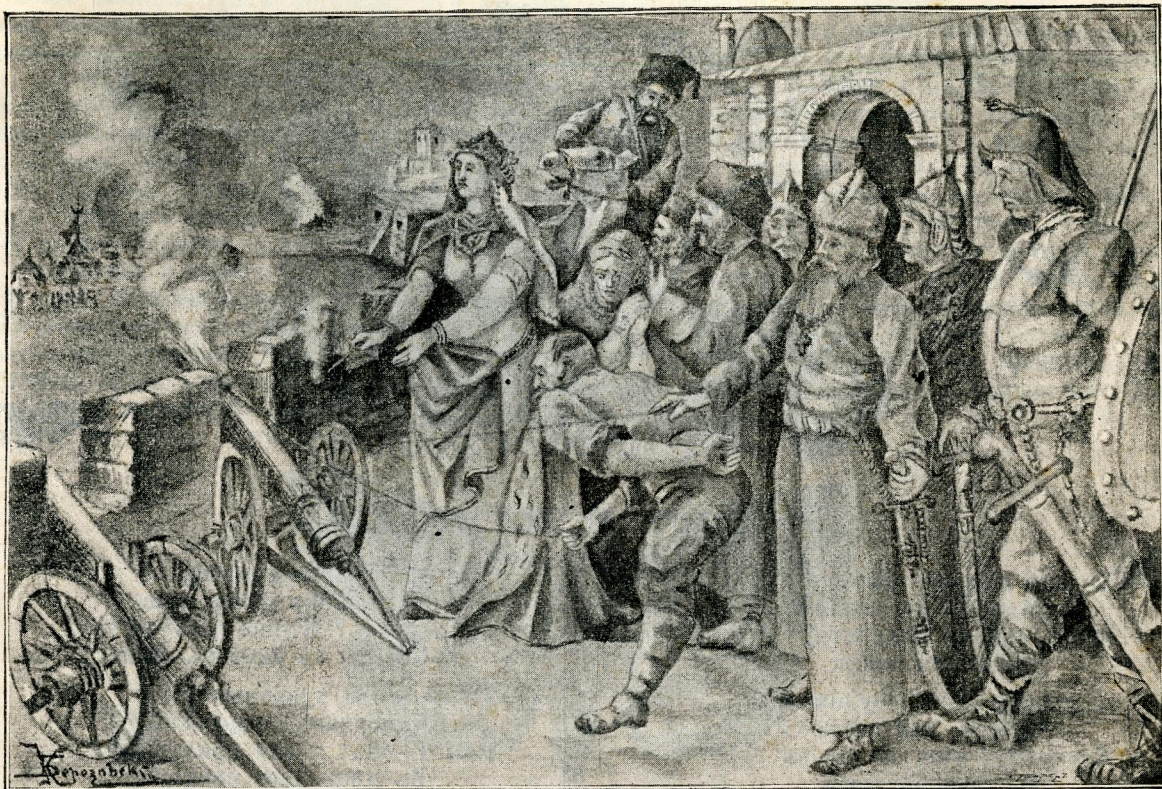
Татары чимъ разъ густѣйшими купами зближались до замку, а передни ихъ ѣзды начали пускати стрѣлы на замокъ, котри перелѣтали муръ и падали на подвѣрье замку. Князь Василій стоявъ еще все якъ врытый, а молодой князь Соломирецкій трясъ ся якъ суха троща въ рѣцѣ Иквѣ.

Въ тѣмъ прибѣгае до князя Василя княжна Беата и каже: щожъ? вы стоите тутъ и ждете доки васъ стрѣлы татарски не засыпятъ?!.. Часы розпочати танецъ съ тыми поганьцями! — То сказавши, побѣгла впрость до пушкарѣвъ; надъ головою ей засвистала летуча стрѣла, но она якъ бы ничъ не видѣла и ничъ не чула. Доставшия до пушкарѣвъ, наворачнула одну изъ большихъ пушокъ впрость на шатро хана, прицѣлила, вхопила изъ рукъ пушкара тлѣющій люнтъ и подпалила. Углушающій гулъ розлягся по воздуху, а за нимъ слѣдовали вже выстрѣлы изъ другихъ пушокъ замку и изъ валовъ мѣста Дубна. На хвилю дымъ покривъ часть выгона, а отъ татаръ посыпалися якъ дощъ стрѣлы и засвистали кулѣ, ударяючи въ стѣны замку.

Въ той хвилѣ вѣтеръ подувъ, дымъ улетѣвъ, а зъ замку узрѣли розбите выстрѣломъ княжны шатро татарскаго хана, на которѣмъ не було вже хоругви съ полумѣсяцемъ, а лишь долѣтавъ страшный крикъ и зойкъ зъ табора и слѣдно було порушенье и прятанье другихъ шатеръ.

На валахъ и окнахъ замку озвались клики: славно! — славно! — Слава княгинѣ! шатро хана розбите!... — татаре утѣкають!... дальше за ними!!!

Зводженный мѣстъ упавъ, брама желѣзна отворилась, а зъ неи вылетѣло двѣ сотнѣ козаковъ и чваломъ пустилися за татарами. За ними летѣвъ пѣшки Грицко Знайда зъ поднесеннымъ до горы мечемъ, а въ зубахъ кинжаломъ, а за нимъ колыкадесять молодыхъ двор-

скихъ паробковъ съ списками и желѣзными цѣ-
пами, за тыми доперва поступаѣтъ князь Ва-
силъ, ведучи за собою на великихъ коняхъ
отдѣлъ рицарства, наряженныхъ желѣзными
панцерами и шеломами. Но тѣи далеко не до-
ѣхали, бо ихъ конѣ почали заломлятися въ
примерзломъ болотѣ. И безъ потребы було
имъ выступати, бо задна часть татаровъ стрѣ-
лою кинулася въ дуброву, а прочіи на своихъ
легкихъ коняхъ разбѣглися на всѣ стороны,
позоставляючи возы съ зрабованными рѣчами,
кѣлька плѣнныхъ дѣвчатъ сельскихъ и своихъ
убитыхъ и раненыхъ, межи которыми було
двохъ легко въ ноги раненыхъ татарскихъ
мурзѣвъ. Тыхъ то послѣднихъ забравъ Грицко

Знайда на плечи и притаскавъ ихъ передъ
своего пана, сидящего на кони, передъ брамою
замка и придивляющагося той сценѣ.

Небавомъ привлекли на замокъ татарскіи
возы съ плѣнными дѣвчатами и всякою добы-
чею, и радость велика запановала и на замку
и въ мѣстѣ Дубнѣ.

Озвалися въ Спаскѣмъ монастырѣ всѣ
звоны, взываючи народъ на благодарственный
молебнѣ, а вечеромъ того дня отбулося вѣн-
чанье княжны Беатой съ молодымъ княземъ
Соломирецкимъ.

Коломыя въ юнію 1894.

М. Б—съ.

✿ Лисъ и когутъ. ✿

Ходить хитрый лисъ по лѣсѣ
Радъ бы що зловити,
Щобъ самому попоѣсти,
Дѣтей поживити.

А досвѣдкомъ пробудивъ ся
Когутъ, тай спѣвае:
Кукурѣку! ажъ ся голосъ
Въ лѣсѣ розлягае.

Пбйду но я, погадавъ лисъ,
Може штука вдасть ся,
Може курчатъ тамъ наловлю
А то ми придасть ся.

Иде съ тиха, закрадаеся
Лисъ, пбдъ шопу лѣзе
„Куда такъ? По-що ты тутъ?“
Когутъ зъ бантовъ рѣже.

Куры стали тревожитись:
Кудкудакъ! скрычали,
Псы зъ-пбдъ хаты прилетѣли
Въ лѣсѣ лиса нагнали.

Старый когутъ изъ хитрого
Лиса ажъ смѣявъ ся,
Що ни курки, ни курчатка
Лишь страху набравъ ся.

Д. Г. Третьякъ

✿ Историческіи воспоминанія. ✿

Дѣялося тое года 1772. За мѣсточкомъ Дукля, на самой угорской границѣ, собралося польскихъ конфедератбвъ цѣлый корпусъ. Они були вытисненіи російскими войсками изъ Волиня, Подоля и другихъ земель, належавшихъ до Польщи. По окрестныхъ селахъ и мѣстахъ забирали провіантъ для выживленія себе и коней. Тымъ польскимъ войскомъ предводили: Радиминскій, Жубрекъ, Шимонскій, Ставушевскій, Фалковскій, Кадлубинскій и Французевичъ. Они були опредѣленіи не допустити вторженія австрійского войска въ предѣли Польщи.

Но дня 14. мая 1772 р. австрійскій генераль Естергазы приказавъ майорови Фабри за-возвати коменданта польского войска, чтобы бѣтступивъ бѣтъ границъ угорской, ибо въ противномъ случаю буде атакovati ихъ яко неприятельбвъ. Майоръ Фабри выславъ заразъ своего адъютанта-офицера съ тымъ приказомъ до поль-

ского табора, но коменданты польского войска отповѣли, що не рушатся, бо мусять боронити свою отчину.

Тогда майоръ Фабри приказавъ гузарамъ и пѣхотѣ атакovati польскій таборъ. Два швадроны узаровъ и баталіонъ пѣхоты перейшли польску границу и направилися впрость на польске войско. Началася перестрѣлка изъ карабиновъ, но не прійшло до завзятой борбы, польске войско отступило за мѣсточко Дуклю, а за нимъ поступали австрійскіи войска. За мѣсточкомъ одна часть польского войска оставилася и намѣряла ставляти упоръ, но узары кинулися, разбили, комендантбвъ Голеевского и Коморовского взяли въ плѣнь.

Генераль Естергазы откликавъ майора Фабри, а на его мѣстце приславъ майора графа Клеберсберга, который пустился за конфедератами и занявъ мѣсто Пильзно. Конфедерати розсыпалися по окрестности и стали граби-

ти села. Майоръ графъ Клеберсбергъ выдавъ тогда приказъ ловити конфедератовъ и ему доставляти.

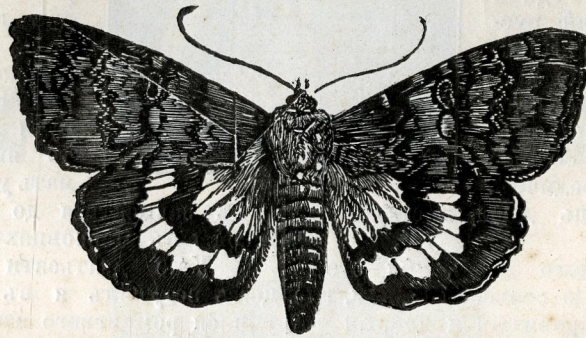
Зъ Вѣдня прійшовъ приказъ до маршала Ласы, котрый стоявъ въ томъ часѣ съ австрійскими войсками въ Слезіи, щобы чимъ скорійше собравъ войска и занявъ Краковску область. Генераль Алтонъ съ 10 тысячнымъ войскомъ вступивъ въ Краковску область и 11 юня 1772 занявъ Величку и Ланцкорону, случився съ Россіянами и облягъ Тынецъ, где сбѣглися были все польски конфедераты. Дня 20 юня 1772 Тынецъ взятый бувъ штурмомъ. Въ томъ самомъ часѣ генераль Естергазы занялъ Стрый а бѣгавъ цѣлу самборщину, а дня 24 юня подступило австрійске войско подъ Львовъ и

стало обозомъ коло Наваріи. Львовъ бувъ въ томъ часѣ занятый російскими войсками. Дня 15 сентября 1772 російскіи войска опустили Львовъ, а на ихъ мѣстце ввѣйшли австрійскіи.

Первымъ губернаторомъ Галичины бувъ графъ Антоній Пергенъ; онъ пріѣхавъ зъ Вѣдня, и въ первыхъ дняхъ мѣсяца сентября 1772 обнявъ онъ правленіе въ имени императрицы Маріи-Тересіи, на подставѣ исторической, яко когда-то, за княженія русскихъ князей, королевство Галиціи и Володиміріи належало до угорской короны, а императрица яко королева угорска мала до того право.

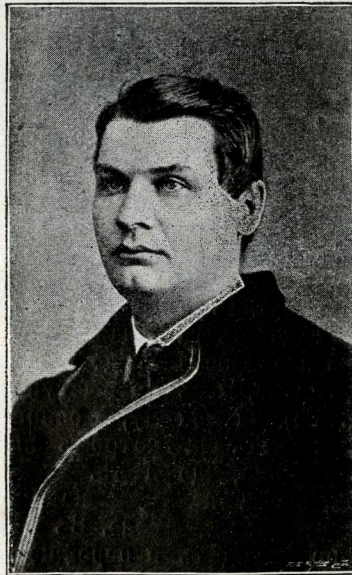
Отъ того часу край нашъ прійшовъ снова до своей старой назвы „королевство Галиціи и Володиміріи“.

Л. С.

о. ІОСИФЪ ВИТОШИНСКІЙ,

парохъ Денисова, славно-извѣстный учитель спѣву хорального, рожденъ 1838 р. въ Косовѣ, науку спѣву хорального побиралъ яко гимназіастъ ѿтъ пок. Седляка (чеха), бывшего директора хору катедрального въ Перемышли. Посвященъ р. 1864, назначенъ на приватного сотрудника до Зарваницѣ. Тутъ завелъ онъ селянскій хоръ, вѣспираемый щедрыми дарами пок. о. Порфирія Мандычевского, бывшего тамъ же пароха. Приходъ Денисовъ получивъ 1868 р. и заразъ устроивъ тамъ славный хоръ селянскій, который выступленіями своими на численыхъ собраніяхъ общ. М. Качковского, Просвѣты и Бурсъ зъеднавъ собѣ общее признаніе. Хоръ

денисевскихъ селянъ подъ проводомъ о. Іосифа Витосшинского спѣвавъ въ Тернополи 9 разы, въ Бережанахъ 6 разы, въ Станиславовѣ 2 разы, въ Коломыѣ, Бучачи, Копычинцахъ, Теревовлѣ, Золочевѣ и въ многихъ иныхъ мѣстахъ и селахъ при различныхъ народныхъ торжествахъ.

Школу для управленія спѣву хорального отворивъ о. Іосифъ Витосшинскій въ 1880 р., въ которой до сей поры побирало науку выше 100 учениковъ. За свой трудъ и долготѣнную працю заслу-

живъ о. Іосифъ Витосшинскій на узнаніе цѣлого русскаго народа. Дай Боже ему еще много лѣтъ прожити и дальше на томъ поли трудиться.

Георгій Никифоровичъ Савчукъ,

газда въ Новыхъ Мамаевцяхъ на Буковинѣ, народный писатель и искренный патриотъ. Его письма печатаны были въ слѣдующихъ газетахъ: въ Буковинѣ, въ Науцѣ, въ Русской Правдѣ, въ Рускомъ Словѣ, Галичанинѣ, и въ Русской Радѣ. Трудолюбивый и весьма ревный Русинъ. — О своемъ житіи-бытіи, пише онъ слѣдующе:

Я родился 19 марта 1865 г. (въ самый голодный рѣкъ) въ селѣ Нови Мамаевцѣ. Родичи мои были простіи неученіи русскіи мужики и звались: Никифоръ и Эвдокія. Они не много поля посѣдали, мали пять овецъ, пару волѣвъ и одну а часомъ двѣ коровы, се все майно было моихъ родичей. Дѣтей насъ было лишь двое, я старшій, а меньшій Василій.

На осемьмъ роцѣ моего житія, мой отецъ Никифоръ отдалъ мене до сельской школы, где учителемъ бувъ дуже даровитый и добрый чоловікъ, Орестъ Казіевичъ. До той школы я ходилъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, а чрезъ той часъ я окончилъ четверту класу, такъ якъ въ селѣ не було больше класъ.

Ходячи до школы, я бувъ одинъ изъ наилучшихъ учениковъ. До школы я ходилъ всегда, и одной днинки не пропускалъ, а приходивъ я до школы первій отъ другихъ учениковъ и минутки я не продармовавъ, но сидѣлъ въ лавцѣ, та писалъ задачъ, або прочитовалъ собѣ лекцію. За се дуже мене любилъ мой учитель и приказалъ менѣ, коли не було его въ класѣ, щоби я уважалъ надъ дѣтьми. За мою пильность, поступъ и послушность получалъ я школярскій дарунки.

Окончивши сельску школу, просилъ я своихъ родичей, щоби мене отдали до мѣста до гимназiальной школы, но родичи яко простіи люди не розумѣли яку цѣну имѣеть наука, и съ моимъ желаніемъ не согласилися. Родичи мои казали: у насъ дѣтей лишь двое, и ты останешся дома. Сіи слова мене такъ уразили, що мовъ списою сердце мое прокололи, же за наукою тужилъ и плакалъ.

Коли я опустилъ школу, то не покидалъ я своихъ книжокъ, но коли лишь якій грѣхъ роздобулъ, такъ сей часъ куповалъ собѣ книжки а все щось нового и нового и спряталъ я собѣ гарну библиотечку. На сельскій танецъ я никогда не учащалъ, а нога моя не была въ корчмѣ и зъ роду; я не пилъ горѣлки, бо тогда,

коли, въ свято або въ недѣлю, сельска молодѣжь бавилася при корчмѣ, въ ту хвилию я сидѣлъ дома въ садочку та читалъ собѣ книжки и газеты, а потѣмъ ишовъ до панотця або учителя и съ ними где-що побалакавъ и такъ дни менѣ упливали.

Въ двадцати лѣтъ я основалъ сельску русску читальню, до котрой згромадилось велике число членѣвъ, а я имѣ читалъ изъ книжокъ и газетъ, та не разъ звенѣла ту и наша народна пѣсенька, которая первій разъ розвеселила нашего селянина.

Не могучи своѣмъ жалъ забути о школѣ гимназiальной, то якось удалось менѣ мою мать упросити що они позволили

менѣ записатися до дяковской православной школы въ Чернѣвцяхъ

Уже дватцати и однолѣтнимъ молодцемъ вступилъ я въ дяковску школу и тутъ учился ромунского языка и съ начала ромунскіи учитель дуже мене хвалили и навѣтъ радили менѣ отцуратися своею русскою народности, та казали абы я присталъ до ромунского народа. Я не то, що не согласился съ ихъ предложеніемъ, но и словомъ протестовалъ и казаль имъ: встыдъ и ганба була бы для мене, цуратися своего русского роду, та приставати до ромунского народа! За се дуже гнѣвались на мене мои учитель, а въ моимъ родимѣмъ селѣ булъ тогда священникъ Д. Попескуль, котрый булъ родомъ Ромунъ, а сей малъ первого своего брата въ дяковской школѣ профессоромъ (прифектомъ) и сей на мене наклеветалъ, що я читальникъ та противникъ Ромунѣвъ.

Черезъ то Ромуны мене зненавидѣли и зачали мене переслѣдувати. Я тое взялъ собѣ до головы и заслабъ, а по тѣмъ добровѣльно выстунилъ изъ школы. Прійшовши до дому, я основалъ общество „Власна Помѣчь“, въ котрѣмъ знаходится каса позычкова и шпѣхлѣръ.

Мало свѣта я зналъ поза свое родиме село. Въ 1889 роцѣ я пустился въ путишество и перейшолъ границу, за кордономъ бавился больше якъ три мѣсяцъ. Для мене було цѣкаве видѣти Чорне Море, якъ на нѣмъ двигаются кораблѣ и якій то величавый нашъ Кіевъ, его церкви и пещеры съ нетлѣными мощами святыхъ.

Того самого року въ осени я оженился

взялъ собѣ за жену Марію Павловну, дѣвчину изъ сосѣднаго села Стрѣлецкаго Кута.

Мое весѣлье отбулося 24 р. жолтня 1889 г. и се весѣлье перве въ моимъ родиннѣмъ селѣ отбулося безъ горѣлки. Нанашкомъ мого вѣнчанія булъ старшій учитель Иванъ Оеодорѣвъ Савицкій, а нанашкою була г-жа Ольга Мандычевска, дочка народнаго учителя изъ Стрѣлецкаго Кута, котра теперь замужна за адюнктномъ въ Босніи.

Оженившись, зачалъ я общу господарку съ родичами, а въ два лѣта потѣмъ опустилъ я дѣмъ мого отца и блиско край за селомъ, надъ потокомъ, на горбку, при верболозахъ, на однѣмъ моргу землѣ, збудовалъ я собѣ

дѣмъ о двохъ комнатахъ. Мѣй дѣмъ будованый изъ дерева, а дахъ покритый драницами. Около дому на передѣ надъ самымъ потокомъ находится не давно засаженный садъ изъ самыхъ щепѣвъ.

Поля у мене дуже мало, бо посѣдаю тѣлько два морги, но при семъ охочо працюю съ женою и держу собѣ двѣ коровы, та годую по двое и трое пацятокъ, а моя жена выхове дробь: куры, качки и гуси, а при тѣмъ ще занимается искусными ткацкими виробами. Изъ того майна мы обое жѣмо и еще нашѣ двѣ малѣ дочки. Старша Минодора родилася 1890 г. а менша Ольга родилася 1893 г.

✿ АѦАНАЗІЙ ГАВРЫЛЮКЪ, ✿

селянекій молодець въ Рожновѣ, повѣта снятиньскаго, стихотворецъ и народный писатель, членъ общ. М. Качковскаго и другихъ русскихъ товариствъ, родився 5 л. октября 1870 г., кончивъ сельскую школу въ Рожновѣ, батька вже немає, а господаруетъ съ матерією на невеличкомъ gruntѣ, а при тѣмъ робить ткацтво и зъ того себе и свою маму удержуе.

Его стихи и дописи умѣщенѣи були въ Русской Радѣ, въ Рускомъ Словѣ и въ книжочкахъ общ. М. Качковскаго и проч. Молчаливый, но даровитый молодець.

❁ Доля Руси. ❁

Где ся дѣла твоя слава
О Русе святая?
Марно, марно загирилась
О доле лихая.

Лягли борцы твоей славы
Въ борбѣ съ врагами,
Що такъ многи столѣтїя
Глумились надъ нами.

Нема князѣвъ нѣ гетмановъ
Козаковъ — соколовъ,
Що такъ сѣкли, якъ солому
Туркѣвъ та Монголовъ.

Верхъ узяла врага сила
Бо ей много було,
Тождь лицарство не встоялось
Давно ся минуло.

Тогды твою Русе волю
Взяли обмежати,
Твою славу остальную
Зачали доптати.

Та не диво, що чужина
Надъ тобовъ глумилась,
Але твоя вся родина
Сама посварилась.

Тай до нынѣ, ты о Русе
Гаразду не маешъ,
Но въ партїяхъ, та у сварцѣ
Свои дни сбуваєшъ.

Где-жъ ся дѣла твоя воля
О Русе святая?
Марно, марно загирилась
О доле лихая.

А. Гаврылюкъ.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Вопросъ: Кому въ свѣтѣ есть наилучше?

Отвѣтъ: Заячеви, бо онъ скоро бѣжитъ, а якъ спитъ, то очей не жмурить.

В. Кѣлько рѣкъ мае дней?

О. Тѣлько, кѣлько и ночей.

В. Що есть въ свѣтѣ найгѣркійше?

О. Честному обыда, а лукавому правда.

В. Чому настала нова ера на Руси?

О. Бо Русь вже спаршивѣла.

В. Чи еще буде коли правда на свѣтѣ?

О. Буде, якъ лишъ дурнѣвъ не стане.

В. Чимъ бувъ твой тато?

О. Писаромъ.

В. А мама?

О. Мама була дякомъ.

В. А тождь по якому?

О. Ну, бо якъ тато кѣмъ по плечахъ мамѣ писали, то мама спѣвали: Ахъ моя ты маму-сенку, чого я така нещаслива?

В. Чому жидамъ фонетики не накидають?

О. Бо жиди вже и такъ обрѣзаны.

В. Кто найкрасше спѣвае?

О. Мачиха своимъ пасербамъ.

В. Чи блѣхи належать до звѣрятъ?

О. Такъ, бо скачуть якъ конѣ.

В. Що свѣтитъ а не грѣе?

О. Порохно и мѣсяць.

В. Чому соловѣй спѣвае, а воробецъ цвѣркае?

О. Тому, бо соловѣй веселый, а воробецъ журливый.

Д. Т.

Шарады или загадки сїяябовѣ.

(Розвязанье на послѣдней сторонѣ окладки).

1.

Перша съ друговъ до возовъ ся уживае.
Трета съ друговъ плямы вымивае.
Всѣ три разомъ такъ ся парують,
Що назвуть мѣсто, где книжки друкують.

2.

Перша съ третовъ есть то хлѣбъ
Печесе у насъ разъ у рѣкъ,
Перша съ другой улѣтае ажъ подъ небеса,
Ученї люди нею робять чудесея.
Всѣ три разомъ имя жѣнки мають,
Нашї русски люди добре тое знаютъ.

3.

Друга съ третовъ въ огородѣ росте, пристигае,
Якъ худобѣ такъ и людемъ смачный покармъ дае.
Перша сама дае свѣтло, учени го найшли,
Наукою и практикою до того дойшли.
А всѣ разомъ прочитавши, то гараздъ есть тому
Кто ю чемну посѣдае во власному дому.

4.

Читай порядкомъ, нѣкому не мило,
Читай на ѣтворотъ, внутренности спалило.

5.

Перша мовчитъ, друга грае,
А все жидъ въ суботу мае.

М. Гринишинъ.

БЕРИ ПЕТРЕ НА РОЗУМЪ.

Приповѣдки народнѣ.

Безъ Бога, анѣ до порога.
 Знае Богъ зъ неба, що кому треба.
 Богъ давъ, Богъ взявъ.
 Дай, не дай, а не лай.
 Дашъ сердцю волю, то пойдешъ въ неволю.
 Шануй горы — мосты,
 А будутъ въ тебе цѣлѣ кости.
 Не пхайся въ дурницѣ,
 Не будешъ сидѣти въ вязницѣ.
 Погуса не для Ісуса, а для Юды.
 Лихе доброго не любить.
 Нема лѣса безъ вовка,
 А села безъ злого чоловіка.
 Не грѣй гадюку за пазухою,
 Бо якъ отжѣе, то тя укуситъ.
 Отъ напасти, можа пронасти.
 Хоть въ головѣ пусто, абы грошей густо.
 Були коралѣ, тай поїшли далѣ,
 Були перлы, тай ся стерли.
 Золота швайка, муръ пробивае,
 Золото, сребро, губу затикае.
 Кто мае грошѣ, той всюда хорошій,
 А кто бѣдный, той никому непотрѣбный.
 Богатство дме, а бѣдота гне.
 Богатого и серпъ голить,
 А бѣдного и бритва не хоче.
 Якъ умре богатиръ, то иде весь міръ,
 А якъ умре харлакъ, то лишъ поплъ и дякъ.
 Богатый дивуеся, чимъ бѣдный годуеся.
 Богатый, якъ чортъ рогатый,
 Куда поступить, то все облунить.
 Чотыри свѣчки спалила,
 Закимъ Грицка умила,
 А пятый каганецъ, а Грицко такой потанецъ.
 Якъ жито въ оборозѣ, то надѣя въ Божѣ.

На все уважай, и на усѣ собѣ мотай.
 Неспитавшись броду, не лѣзь у воду.
 Бога не гнѣви, а чорта не дразни.
 Напередъ не выривайся,
 А на задѣ не лишайся.
 Привыкай до працѣ зъ молоду,
 А не будешъ знати на старость голоду.
 Рана сѣйба хоть не вродить,
 То и зъ хлѣба не зводитъ.
 Не тѣйся зъ чужою бѣды,
 Бо завтра буде тобѣ.
 Не лѣзь, куда голова не влѣзе.
 Не тогда дѣло, якъ давно перешумѣло.
 Коваль клепле, поки тепле.
 Замотати, завязати, та никому не казати.
 Кто чуже бере, того Богъ побѣе.
 Не то добро, що скоро минаеся,
 Але тое, що насъ тримаеся.
 На чужій коровай, очей не зрываи.
 Не сунъ носа, до чужого проса.
 Чужого не займай, а свого не покидай.
 Найлучше ремѣсло, леминѣ и чересло.
 Въ политику не вдавайся,
 А въ господарствѣ кохайся.
 Своя стрѣха, своя утѣха.
 Хата чужая, якъ свикруха лихая.
 Поставъ хату зъ лободы,
 А въ чужую не иди.
 Бодай умирати, а въ своѣй горщокъ зазирати.
 Якъ буде мѣсяць чернець,
 То буде и свѣту конецъ.
 Малѣи дѣти не дають спати,
 А велики дыхати.
 Добрѣи дѣти ввнечъ,
 А лихѣи конецъ.

АНТОНІЯ
ЛИТЕЙНЯ

СЕРАФИНА
ЗВОНОВЪ

ВЪ КАЛУШИ

поручаеся всѣмъ честнымъ громадамъ, комитетамъ церковнымъ и цѣлому
 загалу русскому яко єдина найлучша и найдешевша фабрика.

Никоторіи сочиненія вийшовшіи зъ печати М. Бѣлоуса
въ Коломыѣ.

АФОРИЗМЫ

Ивана Я. Федоровича,
добра до читаня книжка — съ пор-
третомъ автора, стор. 206 — 50 кр.

Купуйте - Замавляйте

ПРОПОВѢДИ

церковніи на всѣ недѣли цѣлого року
НИКОЛАЯ ВЕРЕЩИНСКОГО
два томы 560 стор. 1 зр. 10 кр.

! Безъ Бога ани до порога !

Що ино вийшовъ на свѣтъ божій зъ печати М. Бѣлоуса въ Коломыѣ.

ОБРАЗЪ

БЛАГОСЛОВЕНІЕ ДОМА

прехорошо ясными красками напечатанный, представляющій внутръ
русской церкви,

съ многими образками святыхъ, съ видомъ загороды господарской, съ молит-
вами и псалмомъ, а великимъ трудомъ выполанный. — Коштуе 1 еке. 20 кр.

— Купити можна его въ печати М. Бѣлоуса въ Коломыѣ, и въ книжной
лавцѣ Института Ставропигійского во Львовѣ.

Образъ той повиненъ въ каждой хатѣ находится, где только одна
христіянска душа животѣе.

Народная русская ФІЛОСОФІЯ

составлена
проф. Е. Згарскимъ
сторонъ 96 40 кр.

Печатня М. Бѣлоуса
въ Коломыѣ.

ГЕНОВЕФА

найкрасша и найжалобнѣйша
ПОВѢСТЬ
изъ старинныхъ вѣковъ,
16-ка, стор 128 30 кр.

Розвязка шарадъ: 1) Ко-ло-мыя. 2) На-ра-ека. 3) Газ-ды-ня 4) Ка-ра
(а-ракъ) 5) Ша-басъ.

Примѣчаніе — Рисунки до той книжки робивъ г. Корнилій Березовскій въ Коломыѣ,
а на цинковой плитѣ перебиравъ г. Гусникъ въ Празѣ.

16.047/1894

35709

КНИЖКА ОБРАЗКОВА

Выпускъ I.

СВѢТЪ И ЛЮДѢ

Выпускъ I.

Коломыя. 1894.
Черенками и накладомъ
Михаила Бѣлоуса.